

Откуда приходят

Алексей Владимирович • Алексей Ерофеев

Названия

Петербургские улицы,
набережные, площади

от аннинских указов до
постановлений губернатора
Полтавченко

**Алексей Дмитриевич Ерофеев
Алексей Георгиевич Владимирович
Откуда приходят названия.
Петербургские улицы, набережные,
площади от аннинских указов до
постановлений губернатора Полтавченко**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9825846

*Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко.: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05514-9*

Аннотация

Не всякий взрослый и даже весьма образованный человек знает, что такое «топонимика». А ведь топонимика окружает нас с первых дней жизни. Где бы мы ни родились, ни жили – в городе, в деревне или даже где-то на выселках, – повсюду нас окружают названия. Город, район, деревня, поселок, улица, озеро, река, урочище... А ведь есть еще и народные названия, которые не всегда наносятся на карту, но бытуют в обиходе. Вот это все и есть топонимика.

Книга сотрудников Топонимической комиссии Санкт-Петербурга А.Г. Владимировича и А.Д. Ерофеева посвящена истории наименований улиц и переулков Северной столицы.

Из книги мы узнаем, почему некоторые объекты сохранили свои названия с середины XVIII века, а другие многократно меняли свои названия. Авторы рассматривают причины таких переименований, рассказывают, как принимались те или иные названия раньше и как это происходит теперь.

Содержание

Введение	9
От кузнецов до Metallистов	14
Названия-вывески	22
Леса, поля и горы	23
Угловые, Косые, Ломаные...	28
«Дворец остался, не выкинешь»	32
Что ни церковь, ни кабак...	36
Семеновцы, измайловцы, преображенцы	42
Стеклянная, Глазурная, Фаянсовая...	44
От перевоза до аэропорта	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Алексей Георгиевич Владимирович,
Алексей Дмитриевич Ерофеев
Откуда приходят названия.
Петербургские улицы, набережные,
площади от аннинских
указов до постановлений
губернатора Полтавченко**

...Возле каждого приметного сооружения или учреждения появлялся соответствующий топоним, часто и не один. Вот Зимний дворец. Разве удивительно, что рядом с ним есть Дворцовая площадь, Дворцовая набережная, Дворцовый проезд, Дворцовый мост, Зимняя канавка?..

Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко

Введение

Не всякий взрослый и даже весьма образованный человек знает, что такое «топонимика». Случается, даже произнести правильно с первого раза не получается. А ведь топонимика окружает нас с первых дней нашей жизни. Где бы мы ни родились, ни жили – в городе, в деревне или даже где-то на выселках, – повсюду нас окружают названия. Город, район, деревня, поселок, улица, озеро, река, урочище... А ведь есть еще и народные названия, которые не всегда наносятся на карту, но бытуют в обиходе. Вот это все и есть топонимика.

Когда авторы этой книги были детьми, популярных книг, посвященных данной теме, выходило немного. И вовсе не потому, что развитие этой области знаний не поощрялось государством. Просто главное внимание обращалось на другие – точные науки: ради светлого будущего мы должны были совершенствовать технический прогресс. Из познавательных книг, посвященных истории появления названий, самыми популярными, по крайней мере для нас, ленинградских ребят, были книги Льва Васильевича Успенского «Загадки топонимики», «Ты и твое имя», «Почему не иначе?». В них в увлекательной форме рассказывалось о происхождении имен и названий, приводились забавные примеры.

Мы, авторы этой книги, больше всего интересовались происхождением названий улиц нашего города, который с 1924 по 1991 год назывался Ленинградом. Поэтому для нас настольной стала книга Кирилла Сергеевича Горбачевича и Евгения Петровича Хабло «Почему так названы».

Эта книга звала нас в дорогу, в путешествие по родному городу, его площадям, проспектам, улицам и переулкам. Знакомясь с названиями, мы задумывались, почему одни из них существуют с давних времен и ни разу не меняли своего названия, а другие неоднократно переименовывались? Ответы на некоторые вопросы получить было трудно, почти невозможно. Но ясно вырисовывалось, что до Октябрьской революции переименования были нечастыми. Главным образом они были связаны с устранением дублирующихся названий.

Зато потом начался вал переименований. Во главе угла встала идеология. Названия городских проездов и площадей стали служить не для того, чтобы людям было удобно ориентироваться в пространстве города, а для прославления различных деятелей, в основном связанных с революционным движением в России и в мире. Конечно, это касалось не только Петрограда – Ленинграда. Это коснулось всей страны. Но мы в данной книге рассмотрим только те факты и явления, которые относятся к нашему городу: Петербургу – Петрограду – Ленинграду и снова Петербургу. До советского периода, когда начались массовые переименования, еще далеко. Следует начать с самого начала.

Сегодня трудно себе представить, что в Петербурге при Петре I улицы не имели официальных названий. Между тем, это факт. Представьте, в 1721 году, когда был подписан Ништадтский мир, положивший конец Северной войне, длившейся с 1700 года, в Санкт-Петербурге, столице государства, провозглашенного империей, незнакомый с городом человек ориентировался с трудом. А ведь это так. Вот что пишет в книге «Преображенная Россия», изданной в год подписания Ништадтского мира, ганноверский резидент Ф.-Х. Вебер: «...однако удивительно, что ни одна улица в Петербурге не имеет названия, а один другому описывает место, о котором спрашивают, называя того или иного, живущего в этой местности, пока не назовут такого человека, которого знают, а затем приходится продолжать расспросы».

Улицы не имели названий, вероятно, ввиду отсутствия особой надобности в этом у петербургских первопоселенцев. Город делился на слободы, в которых жили люди, приписанные к различным ведомствам. Вот слободы имели названия, соответствующие профес-

сиональной деятельности их жителей или национальности поселенцев. В Ямской слободе жили ямщики, в Морской – офицеры Морского ведомства, в Греческой – греки, в Татарской – татары. От последней сохранилось название Татарского переулка на Петроградской стороне; от Морской – названия Большой и Малой Морских улиц.

Ну а первые официальные названия улиц в Петербурге появились в 1738 году, в период правления царицы Анны Иоанновны, вернувшей городу статус столицы, утраченный было при Петре II. Наименования присваивала Комиссия о Санктпетербургском строении. В ее задачи входило составление генерального плана новой российской столицы и наименование городских проездов. В течение 1738–1739 годов были изданы три указа, которыми названия присваивались более чем сотне улиц. Тем не менее большинство из них не прижилось. Причина довольна проста. Ряд улиц уже получил в народе названия. К примеру, упомянутые Большая и Малая Морские улицы. Но их решили назвать иначе – соответственно Большой Гостиной и Большой Луговой.

После смерти Анны Иоанновны в 1740 году Комиссия о Санктпетербургском строении прекратила существование. В течение более чем столетия названия улиц в Петербурге присваивались самими жителями, исходя из особенностей тех или иных проездов. Это могли быть природные признаки, особенности формы проезда, наличие в нем характерного объекта, главным образом церкви, или же какого-либо торгового заведения. Нередко улицы получали имена домо- или землевладельцев, причем в этих случаях никто не оценивал человеческих качеств людей, чьи фамилия превращались в названия проездов. Подчас улицы меняли свои названия стихийно.

Из первых официальных названий, присвоенных Комиссией о Санктпетербургском строении, до нас дошли без изменений только пять: Апраксин переулок; Стремянная и Разъезжая улицы; Кузнечный и Свечной переулки изначально были улицами, они поменяли только статус проезда.

Большая Садовая теперь именуется просто Садовой, но она была еще и улицей 3-го Июля. Переименовывались, а затем получали старые (исконные) названия Невский и Вознесенский проспекты (изначально – перспективы), Большая Конюшенная улица и Адмиралтейский канал.

Апраксин переулок

Кузнечный переулок

Стремянная улица

Садовая улица

К перечисленным следует добавить две улицы, появившиеся в XVIII столетии и с тех пор не менявшие названия, – Гончарную и Малую Гребецкую.

Каждое из самых старых названий само по себе интересно. Об одном из них мы расскажем в следующей главе.

По людям, занятым определенной профессиональной деятельностью, получили свои названия Кузнечный и Поварской переулки, где селились кузнецы и повара. Однако далеко не все названия сегодня ассоциируются с профессиями. Далеко не всякий скажет, кто такие подьячие. А в Петербурге не одна, не две, а три Подьяческие улицы: Большая, Средняя и Малая.

Малая – самая молодая, она появилась в конце XVIII столетия, первоначально под названием 3-й Подьяческой улицы. Большая и Средняя возникли намного раньше, и первые наименования получили по указу от 20 августа 1739 года, как и Свечная, ставшая потом переулком.

Большая Подьяческая была изначально Морской Мастерской, поскольку по плану здесь предполагалось построить дома для мастеровых людей Адмиралтейской верфи, а Средняя получила название Приказной Адмиралтейской по находившемуся поблизости Приказу Адмиралтейской верфи. Однако, по-видимому, эти наименования не употреблялись, а первыми реальными названиями стали 1-я и 2-я Подьяческие, к которым в первый год царствования Павла I прибавилась и 3-я Подьяческая. Она, правда, дважды примеряла на себя другие названия. В 1798 году стала Наличной, поскольку являлась ближайшей, лицевой к Екатерининскому каналу, а с 1804 года называлась Банным переулком по баням, находившимся на территории дома № 1, там, где сейчас располагается детский садик.

Большая Подьяческая улица

Малой Подьяческой она стала лишь в 1821 году, в то время как Большая стала таковой в царствование Екатерины II, одновременно 2-я Подьяческая стала Малой. Но после 1821-го она именовалась Средней, а Малой Подьяческой стала бывшая 3-я Подьяческая, действительно самая маленькая из трех параллельных улиц в Спасской части города. Подробности о подьячих и Подьяческих – также в следующей главе.

Ну а границы улиц оставались практически неизменными со времени их появления. Большая Подьяческая проходит от набережной канала Грибоедова (бывшего Екатерининского) до набережной реки Фонтанки и Никольского переулка. Средняя Подьяческая – от набережной канала Грибоедова до пересечения проспекта Римского-Корсакова с каналом Грибоедова. Наконец, Малая Подьяческая у канала Грибоедова начинается, каналом Грибоедова и заканчивается.

Вернемся, однако, в петровскую эпоху.

Известно, что Петр I ради скорейшего строительства новой столицы шел на все, что могло этому способствовать. Он приглашал из-за рубежа специалистов буквально всех профессий, которых недоставало в собственной стране. На возведении крепости на Заячьем острове работали пленные шведы. И откуда только было возможно, царь «выписывал» рабочих людей.

С последними связано название Татарского переулка, которое известно с 1798 года. Сама же Татарская слобода, по которой он получил название, возникла вскоре после основания Петербурга. Нынешний Татарский переулочок – тихое, уютное место на Петроградской стороне.

Вот так постепенно и сформировался топонимический облик города.

Отдельно следует рассказать об улицах и переулках, получивших имена домовладельцев или владельцев земельных участков.

От кузнецов до Metallистов

Как мы уже знаем, Петербург начинал строиться слободами, слободы же обычно именовались по тем, кто в них живет, – по их профессии, роду занятий, сословному и национальному положению. И до сих пор многие улицы, возникшие на месте прежних слобод, хранят память об этих людях.

Чаще всего, конечно, речь шла о профессии. Это и понятно – люди одной специальности издавна селились вместе. Перед Адмиралтейством располагалась Морская слобода, где жили офицеры Морского ведомства – собственно, Адмиралтейства как такового. Две улицы этой слободы поныне именуется *Большой* и *Малой Морской*. Это вообще одни из первых документально зафиксированных названий улиц в городе – Малая Морская известна с 1731 года, а Большая Морская – с 1733-го.

Свечной переулок

Подальше, за Фонтанкой, находилась Дворцовая слобода. Здесь размещались служители Дворцового ведомства – попросту говоря, обслуга царского двора. От этой слободы нам остались *Стремянная улица*, *Кузнечный*, *Свечной* и *Поварской переулки*. Первую из них, по рассуждению Комиссии о санктпетербургском строении, предполагалось «отдать под конюшенных служителей», происхождение остальных трех имен совершенно ясно. Первые три названия – одни из немногих, присвоенных в 1739 году императрицей Анной Иоанновной по предложению упомянутой Комиссии и действительно вошедших в обиход (хотя Кузнечный и Свечной переулки первое время официально числились улицами). Большинство имен, выдуманных Комиссией, а их насчитывалось больше сотни, были «умышленными» и потому благополучно забылись.

О Свечном переулке стоит рассказать отдельно. Наверно, многие читали роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» или же смотрели фильм Леонида Гайдая, поставленный по этому роману. Кто знаком с «Двенадцатью стульями», тот, безусловно, помнит незадачливого отца Федора, мечтавшего о своем свечном заводике и потому охотившегося за стульями из гарнитура, в одном из которых были спрятаны бриллианты. Свечные заводы появились в России при Петре I, а до того производством занимались «охочие люди», как правило, купцы. Они и изготавливали свечи, и продавали их. Свечи делались красного цвета либо с красным оттенком.

И вот в Петербурге иноземец Ян Рыцунский, приглашенный царем Петром, по воле правительства наладил производство свечей из беленого воска. Свечи стали изготавливаться разными по форме и по весу. По мнению иноземца, такое разнообразие должно было способствовать повышению продаж. Но не тут-то было. Эти свечи народ не желал покупать. Сам Ян Рыцунский считал, что его свечи, более качественные и дешевые, просто-напросто «российскому народу еще необыкновенны». Однако в народе говорили, что они «сделаны с салом» и потому не могут употребляться в церквях. Сам Рыцунский был уверен, что народ против его свечей подговаривают попы церквей Николая Чудотворца и Рождества Богородицы.

В дело вмешался Священный синод, который заставил принять решение «красного воску свеч во святых церквях не употреблять». Так повсеместно появились свечи из беленого воска. Произошла эта история в 1723 году, а 20 августа 1739 года в российской столице появилась Свечная улица, превратившаяся затем в переулок. Название было дано по свечной слободе, в которой она находилась. Ну а в слободе жили те, кто был занят на производстве свечей для петербургских храмов. Именно здесь впервые в России стали изготавливать свечи из беленого воска.

Разъезжая улица

Параллельно Свечному переулку проходит *Разъезжая улица*. Это тоже «умышленное» название – вряд ли его мог придумать народ, но оно оказалось очень удачным, может быть, потому что тоже напрямую связано с профессией ее обитателей. В конце улицы вдоль старого Московского тракта (нынешнего Литовского проспекта) находилась Московская Ямская слобода. В ней жили ямщики, обслуживавшие тех, кто путешествовал из Петербурга в Москву. По Разъезжей улице – а это тоже старая, еще новгородских времен дорога – они «разъезжались» в разные стороны. Прекрасная метафора!

На Адмиралтейской стороне, то есть в левобережной части города, мы находим еще несколько имен, напоминающих о занятиях ее жителей. Это *Столярный переулок*, где жили столяры того же самого Адмиралтейского ведомства. Это *Канонерская улица*, изначально *Канонирская*, – здесь селились канониры, морские артиллеристы. Это *Мастерская улица*, долгое время их было две, *Малая* и *Большая*, но в 1912 году Большую Мастерскую включили в *Лермонтовский проспект*. Это *Прядильный переулок*, хранящий память о слободе ткачей-прядильщиков, отсюда же и *река Пряжка*. Это *Лоцманская улица*, тоже названная в 1739 году. Потом ее имя благополучно забылось – на всех планах второй половины

XVIII и начала XIX века она проходит как Армейская, но в 1820-е годы прежнее название вспомнили, и с тех пор оно не менялось. И, конечно, это *Большая, Средняя и Малая Подьяческие улицы*.

Появление большого количества Подьяческих весьма символично для имперской столицы. Петербург недаром еще с петровских времен стали называть чиновничьим городом по аналогии с купеческой Москвой. Дьяки и подьячие, то есть помощники дьяков, делопроизводители – нужны были молодому городу в большом количестве для того, чтобы состоять и при гарнизонной канцелярии, и при важных персонах, а впоследствии и в массе государственных учреждений, которые переезжали из старой столицы в новую. Спрос на делопроизводителей был велик, как и вообще на людей, обученных грамоте.

Спрос, как известно, порождает и предложение. Дефицит грамотных людей, к коим, безусловно, принадлежали подьячие, приводил к тому, что они бессовестно набивали себе цену. К оплате их труда за написание того или иного документа практически всегда добавлялись подарки. Это не считалось предосудительным. И даже известный русский прожектер, писатель и экономист того времени крестьянин Иван Посошков писал по этому поводу: «А буде же кто тебя чем подарит, дабы ты прилежнее трудился, то и сна у себя убавь, и тщишься, чтобы не туне был ево тебе подарок; велми бо грешно человеку тунеядцем бытии». Он же определял и взятку, которая отличалась от подарка тем, что давалась за то, что подьячий за мзду мог запросто «виноватого поправливати, а правого – провинивать».

Последнее частенько водилось за подьячими, поскольку сохранилось немало документальных свидетельств их жития, говоря современным языком, не на одну зарплату. Главное же свидетельство – народные пословицы и поговорки: «У подьячего светлая пуговка души заместо», «Подьячий и со смерти за труды просит», «Подьячий породы собачей», «Подьячего бойся и лежачего».

С написанием этого слова и, соответственно, названий улиц произошла интересная история. До 1918 года оно писалось через твердый знак – Подьяческие. Но по реформе 1918 года твердый знак в русских словах был сохранен только на стыке приставки и корня («подъезд»), а поскольку корень этого слова – «дьяк», то теперь оно должно было писаться через мягкий знак. Тем не менее на всех довоенных планах стоит «Под'яческие» (противники революции в пику реформе продолжали ставить твердый знак на конце слова, эту литеру вообще убрали из типографий – так и появился вместо твердого знака апостроф).

Положение изменилось только после войны. «Справочник корректора» 1949 года требует писать «подьячий» через мягкий знак, с этого времени так пишутся и названия улиц. Несмотря на это, до сих пор нет-нет да и встретится старое написание – через твердый знак. Сейчас это, конечно, явная ошибка.

В 1878 году в Городскую думу поступило прошение: «[Домо] Владельцы Большой, Малой и Средней Подьяческих улиц обратились... о переименовании этих улиц в Большую, Малую и Среднюю Екатерингофские улицы. [Екатерингофским тогда назывался перпендикулярный им проспект Римского-Корсакова.] В основание же своего ходатайства просители указывали на то, что многие улицы в Санкт-Петербурге давно переименованы; Подьяческие же улицы остались до сих пор с их неблагозвучным названием, из-за которого нередко избегают жить на этих улицах, чем причиняются большие убытки их домовладельцам». Тогда Городская дума просителям отказала, чем и сберегла для нас эти колоритные названия. Интересно, что в советское время, несмотря на явную «старорежимность», на них никто не покушался.

Еще одно название из этой же серии, как ни странно, *Моховая улица*. Понятно, что в Петербурге, построенном на болотах, так могла бы называться почти любая улица (мы об этом еще поговорим), но эта как раз на самом деле не Моховая, а... *Хамовая*. Не надо думать, что здесь жили особо невежливые граждане, просто «хамовниками» до середины XVIII века

именовали ткачей-скатерщиков. Хамовники – такой район до сих пор существует в Москве, но в Петербурге, где всегда старались говорить на литературном русском языке, к 1760-м годам слово забылось, и улица сама собой превратилась в Моховую.

Занятие жителей отражает и название *Перекупного переулка*. В императорском Указе 1871 года так и сказано: «населен барышниками», то есть перекупщиками, торговавшими на Конном, или Александровском, рынке, протянувшемся по обе стороны Невского проспекта от Харьковской до нынешней Исполкомской улицы. Дабы освободить место, для рынка вскоре построили несколько зданий, и одно из них – как раз на углу переулка и Конной улицы – использовалось по прежнему назначению до конца 1960-х годов.

Моховая улица

На Васильевском острове «профессиональное» название одно – *Шкиперский проток* в Гавани. Когда-то вдоль протока располагалась слобода шкиперов – младших офицеров флота, отвечавших за корабельное хозяйство. Слободы давно нет, нет и самого протока, а имя осталось.

Конечно, надо вспомнить еще село *Рыбацкое* (на Неве) и деревню *Рыбацкую* (на Охте; с 1960-х гг. по аналогии с селом ее ошибочно называют *деревня Рыбацкое*) и производные от этих топонимов *Рыбацкий проспект* и *дорогу в Рыбацкое*. Кто жил в этих поселениях – понятно, жаль только, что река Охта нынче доведена до такого состояния, что рыбы в ней уже не наловишь, а если наловишь, то ее надо сразу закопать в могильник для особо опасных отходов...

Петербург изначально был военной столицей, и в XVIII веке чуть не половина городской территории была отведена под расположение полков. В указе от 2 мая 1740 года «О строении слобод для Измайловского полка» читаем: «...велено на полки Гвардии, вместо казарм, построить слободы». Регламентировалось не только место расположения полковых слобод, но и ширина улиц в них, причем главные – «полковые» – улицы следовало делать шире, чем боковые – «ротные». Автор Описания Петербурга 1762 года Андрей Богданов пишет, что полки «по-ротно улицы имеют вдоль и поперек, чего ради и оные в числе улиц положим каждого полка по 10 рот [на самом деле в полку было 12 рот, Богданов, видимо, в армии не служил. – Авт.], то будет целых 40 слобод великих, которые к выше писанному исчислению [улиц] в ряд в общую сумму в число присовокупляются».

Вплоть до конца столетия солдаты жили в «светлицах» (небольших деревянных домах) и сами себя снабжали продовольствием. Улицы же в полковых слободах именовались Ротами. Документально зафиксированы Роты Преображенского полка (между современной

улицей Жуковского и Кирочной улицей), Семеновского полка (между Загородным проспектом и нынешним Обводным каналом, этот район до сих пор называется Семенцы) и, конечно, Роты Измайловского полка – западнее, между современными Московским и Лермонтовским проспектами.

В начале XIX века наконец решили, что негоже так расходовать дорогую городскую территорию, и солдат вновь разместили в казармах. Бывшие «ротные» улицы постепенно получили другие названия, но Роты Измайловского полка так и остались *Ротами*. Лишь в 1923 году, в соответствии с духом времени, их переименовали в *Красноармейские улицы*. Улицы эти сохранили номера с 1-го по 12-й, а параллельная им *Заротная улица* (там жила заротная команда, то есть всякого рода обслуживающий персонал полка, в состав рот не входивший) стала *Красноармейской* без номера. Неудивительно, что в конце концов она превратилась в *13-ю Красноармейскую*. Получилась нелепость – 13-я Красноармейская находится не после 12-й, где ее стал бы искать всякий нормальный человек, а перед 8-й, и не каждый сможет сразу ее найти.

Перечисленные названия, связанные с воинской службой, показывают, что чуть ли не в каждом районе города была своя Офицерская улица. Со временем почти все они были переименованы, и сейчас остался только маленький *Офицерский переулок* на Петроградской стороне. В нем жили офицеры Артиллерийского и Инженерного Шляхетного кадетского корпуса – именно так это военное учебное заведение называлось в 1788 году, когда впервые в «Санктпетербургских ведомостях» данный проезд упоминается еще как *Офицерская линия*. Корпус потом много раз менял свое имя, больше всего его знают как Второй кадетский корпус, но предназначение свое – готовить инженерные кадры для российской армии – сохранил и по сей день. Сейчас это Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского.

В 1926 году переулок, конечно же, был переименован – слово «офицер» было тогда под запретом – и стал переулком Декабристов, по аналогии с одноименной улицей на левом берегу Невы, тоже бывшей Офицерской. Но еще в 1930-е годы в переулке построили дома для преподавателей академии, и после того, как в 1943 году понятие «офицер» было реабилитировано, переулок иначе как Офицерским не называли. Наконец, в 1956 году имя вернули официально и даже записали в постановлении: «в домах переулка проживает офицерский состав».

Солдаты, как уже говорилось, жили в «ротных» улицах, потому Солдатских улиц и переулков было немного – в основном те, где проживали солдаты, вышедшие в отставку. Сейчас есть только один *Солдатский переулок* недалеко от Московского вокзала, на территории, где когда-то размещался Преображенский полк.

Интересное название, тоже связанное с российской армией, есть в Лахте – *Бобьль-ская улица*. Бобьями в императорской России называли крестьян, не имевших земельного надела, но на окраинах Петербурга селились, как правило, отставные солдаты, у которых после 25 лет службы просто не осталось в деревне родственников и которым некуда было возвращаться. Для них и отвели место на берегу Лахтинского разлива – так называемую Бобьльскую слободу, а в слободе со временем образовалась Бобьль-ская улица. Улицу в послевоенные годы переименовали в Славянскую – то ли из-за «неблагозвучности» прежнего названия, то ли по идеологическим соображениям, но в 2011 году в память о слободе Бобьль-ской наименовали новую улицу, ближе к Финскому заливу.

Заканчивая военную тему, вспомним еще про Музыкантский переулок на Петроградской стороне, где размещалась музыкантская команда Второго кадетского корпуса. И посмотрим, представители каких еще профессий оставили след в топонимии этой старейшей части города.

Таких улиц на Петроградской стороне немало. *Большая* и *Малая Монетные* – здесь селились рабочие Монетного двора. *Большая* и *Малая Пушкинские* – место поселения пуш-

карей (не тех, кто изготовлял пушки, а тех, кто из них стрелял, говоря современным языком, артиллеристов). *Певческий переулок*, где жили певчие, несохранившегося, увы, Троицкого собора, – тоже весьма уважаемая профессия. Коротенькая *Малая Гребецкая улица* (до постройки замыкающего ее здания Военно-топографического училища, ныне тоже принадлежащего Академии Можайского, она была длиннее) – здесь находилась слобода гребцов галерно-парусного флота. До появления паровой тяги профессия совершенно необходимая: если не было ветра, они садились за весла. Вы спросите: если есть Малая Гребецкая улица, значит, должна быть и Большая? Она и была, но в 1932 году ее переименовали в *Пионерскую*.

Недалеко от Малой Гребецкой есть *Большая* и *Малая Разночинные* улицы, и здесь мы плавно переходим к другому типу названий – по сословной принадлежности жителей. Разночинцы – это недворянская интеллигенция, выходцы из разных сословий, мещане, обедневшие купцы, получившие волю крестьяне, поповские дети, занимавшиеся умственным трудом, в основном служившие в канцеляриях.

Там же, на Петроградской стороне, проходят *Большая* и *Малая Посадские* улицы – память о старом, XVIII века, сословном делении. Посадские люди – так назывались все, кто был приписан к «посадам», то есть не дворяне, не крестьяне и не духовенство. Купцы, ремесленники, мелкие чиновники... Свободы у них было не больше, чем у государственных крестьян – без разрешения представителя власти покинуть свой посад они не имели права. Впрочем, до 1762 года в России вообще не существовало свободных людей, и те же дворяне обязаны были служить государству до старости. Понятие «посадские люди» отменено в 1775 году Екатериной II, и вместо них введено два новых сословия – мещанство и купечество.

Другим сословиям в топонимии повезло меньше. *Большую* и *Малую Дворянскую* улицы переименовали в 1918 году в *1-ю* и *2-ю* улицы *Деревенской Бедноты* – в пику прежним названиям. Сейчас это *улица Куйбышева* и *Мичуринская улица*. А *Мещанская улица* в знак отмены сословного деления в том же 1918 году стала *Гражданской*. Получилась глупость – если прежнее имя указывало на сословную принадлежность жителей улицы, то новое ни на что не указывает. Или кто-то думает, что на соседних улицах живут неграждане?! (У Гражданского проспекта совсем другая история, мы о ней еще расскажем.) Впрочем, тут можно провести любопытную историческую параллель. По восшествии на престол Павел I, дабы искоренить революционный дух среди своих подданных, запретил некоторые слова, повелев, в частности, вместо слова «гражданин» употреблять слово «мещанин». Вряд ли об этом вспомнили в 1918-м, но факт занимательный.

Названий улиц, говорящих о национальности их жителей, сохранилось немного. Одна из них – *Татарский переулок* на той же Петроградской стороне. В 1710 году Петр I издал указ о высылке «на вечное житье» работных людей из Казанской губернии. Татар присылали в основном на строительные работы, причем только мусульман, а крещенных в православие оставляли дома.

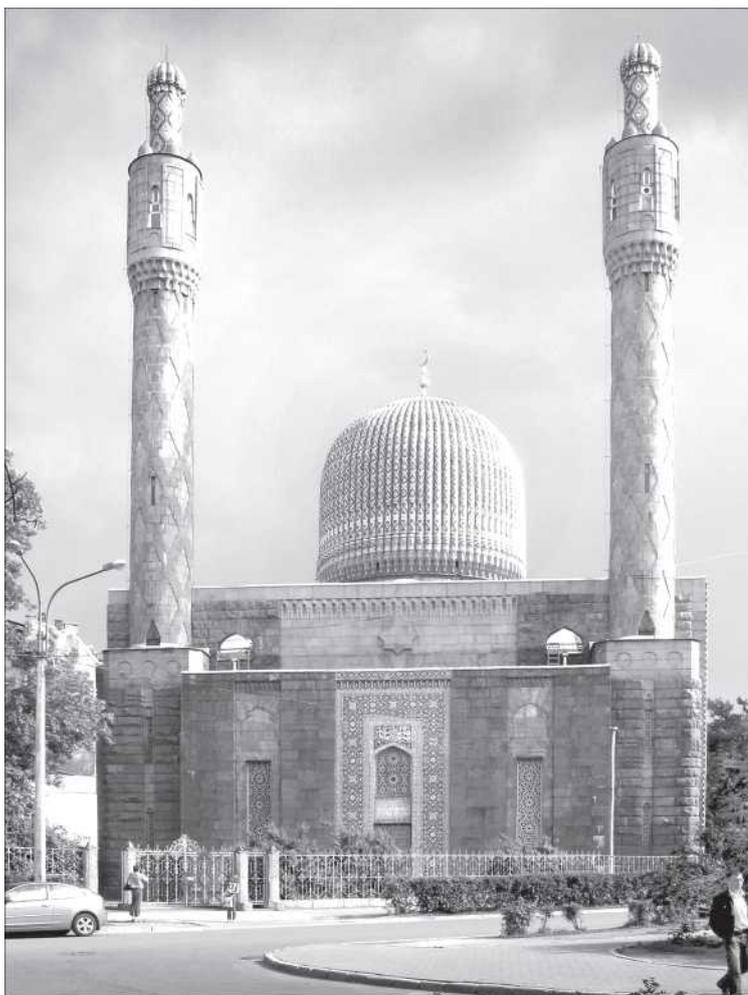
Так первые татары появились в Петербурге. В 1717 году было потребовано прислать на невские берега на трехмесячный срок от пятисот до тысячи «некрещеных мурз и татар». Таких временных высылков в том году надлежало сделать четыре.

Татарская слобода, в которой жили и турки, и калмыки, и представители других национальностей, исповедующие ислам, жила в соответствии со своими обычаями. Естественно, был здесь и Татарский рынок.

О нравах Татарской слободы петровской эпохи сохранилось свидетельство ганноверского резидента Франца-Христиана Вебера, наблюдавшего сцену срывания головных уборов с иностранцев. Вебер рассказывает о человеке, который ехал через рынок на «скверной татарской кляче» и сорвал с немецкого полковника и иностранной дамы головные уборы. Далее этот человек «под общий смех поблагодарил ограбленных, повернувшись к ним спиной, и тут же, кратко похвалив товары, предложил их всем стоявшим вокруг и потом уехал

своей дорогой». Татарская слобода в петровскую эпоху находилась под пристальным контролем полиции, поскольку здесь нелегально торговали татарской бузой – это такой хмельной напиток, изготавливаемый из проса. Торговля бузой, как и любой брагой, а затем – самогонном, подрывала экономику, поскольку деньги не доходили до кабаков, с которых взимались налоги в государственную казну.

Это было давно. Однако изначальное расселение татар на Городском (ныне – Петроградском) острове сыграло свою роль в том, что в начале XX столетия на этом острове, на Кронверкском проспекте, была возведена мечеть. Мечеть, ставшая украшением Петербурга.

Мечеть

В городе есть еще *Английский проспект* и *Английская набережная*. В этом районе жили английские купцы и мастера-корабельщики, в современном доме № 56 по набережной располагались английское посольство и церковь. *Шведский переулок* – не даром в нем стоит шведская лютеранская церковь Святой Екатерины. Можно еще вспомнить речку *Чухонку* на Крестовском острове. Чухонцами в просторечии называли ингер-манландских финнов, а заодно и представителей других близких народов – ижорцев, вожан, эстонцев... И, конечно, *Финский залив* – перевод имени Suomen-lahti. Прочие «национальные» топонимы в городе (Финский переулок, Эстонская, Грузинская, Литовская улицы и т. д.) имеют другое, причем разное происхождение, о них – в следующих главах.

Иногда слободы назывались по местностям, откуда происходили их жители. На берегу Парголового озера в XVIII веке образовалось село *Суздальское*, где жили переселенцы из

Суздальского уезда Владимирской губернии (сейчас на месте села – Староорловская улица). По селу и озеро стали именовать *Суздальским*, или *Большим Суздальским*, а потом *Суздальскими* стали и два соседних озера. Теперь Суздальских озера три – *Верхнее*, *Среднее* и *Нижнее (Большое)*, в просторечии *Первое*, *Второе* и *Третье*. В 1974 году поблизости появился *Суздальский проспект*, а недавно – и продолжающее его *Суздальское шоссе*.

Таково же и происхождение названия *села Смоленского* в современном Невском районе, где проходит *Большой Смоленский проспект*. Здесь были поселены ямщики из Смоленской губернии, которые обслуживали Шлиссельбургский тракт.

Но все это, кроме разве Перекупного и Музыкантского переулков, топонимы XVIII, в крайнем случае начала XIX века. А что же после? Дело в том, что в XIX веке в Петербурге уже не было районов и улиц, заселенных людьми какой-то одной профессии, сословия или национальности. Зачастую даже в одном доме в бельэтаже жили дворяне, наверху – купцы и чиновники высокого класса, во втором дворе – люд попроще, в третьем – совсем бедняки. Конечно, заводские окраины в основном заселяли работники заводов и фабрик, обычно одного профиля, но и здесь мы не находим «профессиональных» названий. Встречаются топонимы, связанные с выпускаемой продукцией, но об этом в свой черед.

И тем не менее традиция давать имена по занятиям жителей возродилась уже в XX столетии. В 1905 году по завещанию предпринимателя Виктора Федоровича Голубева на берегу Карповки был построен Дом нуждающихся писателей, и вскоре поблизости возникла *улица Литераторов*. Потом в 1926 году за Невской заставой появилась *улица Ткачей*, и это не просто идеологическое название, прославляющее представителей рабочего класса – нет, здесь действительно возник целый район жилых домов для работников ткацких предприятий. Затем, уже в 1962 году, новая магистраль, протянувшаяся через Большую Охту и Полюстрово и вобравшая в себя несколько прежних улиц, получила имя *проспект Металлистов*. И опять в начале проспекта построили дома для рабочих Металлического завода. В том же году в Рыбацком *улицу Гоголя* переименовали в *Тепловозную* – на ней поселились рабочие Тепловозостроительного завода. Наконец, в 1964-м *Ржевская улица* на Выборгской стороне стала *Студенческой* после того, как ее продлили и на новом участке возвели несколько студенческих общежитий. Примеров немного, но это значит, что традиция живет!

Названия-вывески

Самый простой и естественный способ названия улиц – именовать их по доминантам, то есть по всем известным объектам, находящимся поблизости. Поля, леса, реки, дворцы, церкви, рынки, заводы, фабрики, приметные здания... Так было испокон веков, так, наверно, будет всегда. И только потому, что значимых объектов на все улицы не хватает, приходится выдумывать какие-то другие наименования.

Леса, поля и горы

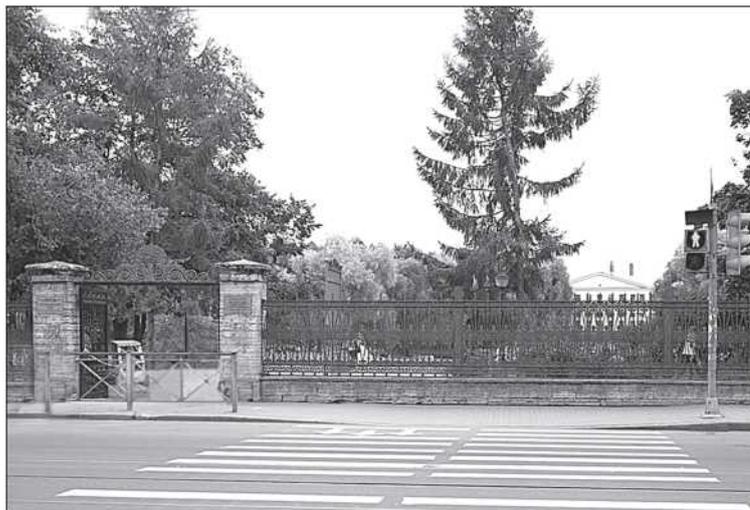
Названия по природным объектам – это, наверно, исторически самый первый вид топонимов. Что может быть естественней: если улица идет вдоль реки, назвать ее *Речной*, *Береговой* или *Набережной*, вдоль поля – *Полевой*, вдоль леса – *Лесной*. И чуть не в каждой слободе или селении, вошедшем в состав Петербурга, такие имена были. Как с ними ни боролись, как ни переименовывали улицы, чтобы не было одинаковых названий, все равно их осталось довольно много.

Малая Садовая улица

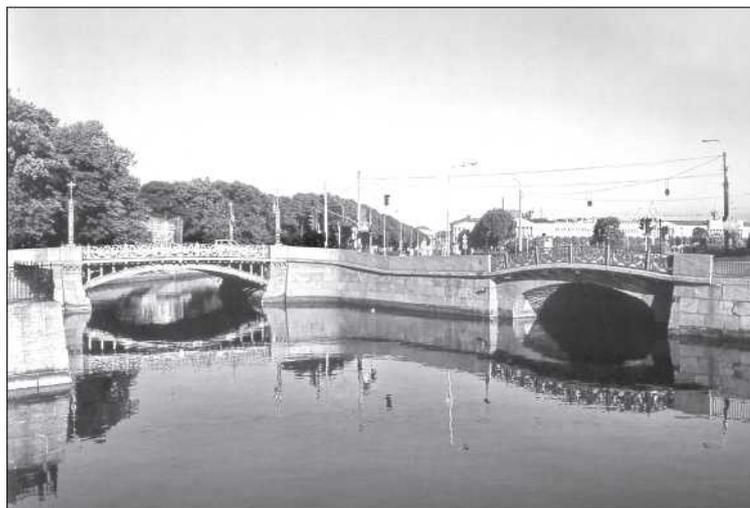
Мы не будем брать сохранившиеся в черте города поселки – такие как Ольгино или Горелово, – там это просто обязательный набор, посмотрим, что же есть в центре и в новых районах с городской застройкой.

Самая известная, конечно, *Садовая улица*. Когда ее наименовывали – а было это в 1739 году – на нее действительно выходили, по словам Ф.-Х. Вебера, «сады некоторых бояр». Усадьбы этих бояр располагались вдоль Фонтанки, а улица была проездом мимо их задних дворов. В докладе Комиссии о Санктпетербургском строении читаем: «...а от некоторых же ближних к Невской дворов остались к той улице против одного гостиного двора порозжие места; того ради не повелено ли будет, те порозжие места. придать к тем же набережным дворам, против которых они придут, а на тех местах против того гостиного двора. делать в той улице всем набережным обывателям сады и оных регулярные решетки.». Сейчас из этих садов сохранились только сад Воронцовского дворца и, конечно, Юсуповский сад.

Юсуповский сад

Петербург строился на заболоченной приневской низменности, лес тут был в основном еловый, и только на песчаной гряде, протянувшейся от излучины Невы в южном направлении, росли сосны. Неудивительно, что улица, проложенная на месте дороги, что шла по гребню этой гряды, стала называться *Боровой*. После того как бор вырубил, местность в начале улицы еще долго носила имя *Старые Пеньки*, или *Большие Пеньки*...

Нижне-Лебяжий и Правый Садовый мосты

Речных улиц в центре города нет, ближайшая *Речная улица* находится в Кировском районе, да и ту, наверно, упразднят, потому что она попала в территорию парка Александрино. Зато есть *Карповский переулок* вдоль реки Карповки, *Мурзинская улица* вдоль речки Мурзинки и две исторических части – *Большая* и *Малая Охта*, разделенные рекой *Охтой*. Есть еще пять *Жерновских улиц* – 1-6-я без 4-й, вошедшей в состав *Ириновского проспекта*, которые ведут свое имя от засыпанной ныне речки *Жерновки*. И, конечно, мосты. *Карповский мост* через ту же Карповку, 1-4-й *Смоленские мосты* и просто *Смоленский мост* через *Смоленку*, *Верхне-Лебяжий* и *Нижне-Лебяжий мосты* через *Лебяжью канавку*, два *Зимних моста* через *Зимнюю канавку* – это еще далеко не все.

Как ни странно, в Петербурге нет ни одной Невской улицы и даже набережной, ведь Невский проспект ведет свое имя не от Невы, а от Александро-Невской лавры, которая изна-

чально была Невским монастырем. Зато есть *Невская улица* в Колпине и такая же – в Зеленогорске. Как они там оказались – непонятно.

Озерной переулочек находится в самом центре города, близ начала Лиговского проспекта. «Озеро» в данном случае – обширный *Лиговский бассейн*, питавший фонтаны Летнего сада, бассейн же был вырыт в конце Лиговского канала, протекавшего вдоль нынешнего Лиговского проспекта; о нем мы еще расскажем. В 1870 году бассейн был засыпан, в западной его части архитекторы Рудольф Бернгард и Отто фон Гиппиус выстроили здание Евангелической женской больницы (ныне здесь расположен Институт фтизио-пульмонологии, Лиговский пр., 2–4), а на остальной территории разбили сад с говорящим названием *Прудки*, известный также, как *Греческий*, или *Некрасовский сад*. По южному краю сада идет *Прудковский переулочек*. Другие «озерные» топонимы – *Долгоозерная улица* и, конечно, *Озерки* с *Большой* и *Малой Озерной улицами*. (*Озерковский проспект* и три *Озерковских переулочка* – это уже производные от Озерков, не от озер.) О *Суздальском проспекте* и *Суздальском шоссе*, названия которых происходят от тех же Суздальских озер, уже говорилось.

Есть у нас и *Морской проспект* на Крестовском острове. Как положено, он ведет к Финскому заливу. *Морской набережной* повезло меньше – из-за намыва береговая линия намного от нее отодвинулась, так что теперь она фактически не Морская, да и не набережная.

Болотные улицы, что неудивительно, когда-то были почти в каждой части города. Сейчас осталась одна – в Лесном, и до 1902 года она действительно вела в болото. Когда в 1960-е годы этот район застраивали многоэтажными домами, ее, конечно, должны были переименовать, но так случилось, что в октябре 1917 года здесь в здании Лесновско-Удельнинской районной думы (дом № 13) побывал В.И. Ленин, совещавшийся со своими соратниками о подготовке вооруженного восстания. Об историческом событии, произошедшем в этом доме – памятнике деревянного зодчества, – стоит рассказать подробнее.

Болотная ул., 13

Этот особняк, построенный в начале XX века, принадлежал жене германского подданного Бертлинга, занимавшегося производством минеральных, растительных и смазочных масел. Дом использовался как дача. В 1914-м, сразу после начала войны с Германией, хозяева покинули Петроград. Дача пустовала до февраля 1917-го, когда сюда пришли новые хозяева – Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов.

С июля 1917 года в этом здании стала работать Лесновско-Удельнинская подрайонная дума. Председателем ее исполнительного органа (управы) избрали Михаила Ивановича Калинина.

16 (29) октября 1917 года в Лесновско-Удельнинской подрайонной думе состоялось второе расширенное заседание ЦК РСДРП(б) с представителями районных организаций Петрограда по вопросу о вооруженном восстании. Прибывший незадолго до этого в Петроград Ленин в течение трех недель жил нелегально в Выборге, где усердно писал работы, в которых доказывал необходимость брать власть вооруженным путем, иначе революция провалится.

Огласив резолюцию, принятую на предыдущем заседании ЦК, В.И. Ленин сказал знаковую фразу: «Из политического анализа классовой борьбы и в России, и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием».

По воспоминаниям участника Октябрьских событий, впоследствии государственного и партийного деятеля Александра Шотмана, Ленин закончил доклад, «повторив несколько раз, что власть надо брать немедленно, сейчас же... История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь!».

Новая резолюция, составленная Лениным, была принята 19 голосами «за» при 4 «воздержавшихся» и 2 голосах «против» (Лев Борисович Каменев и Григорий Евсеевич Зиновьев). Она гласила: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

После принятия резолюции на закрытом заседании ЦК был избран Военно-революционный центр по руководству восстанием. В него вошли В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, А.С. Бубнов, М.С. Урицкий и Ф.Э. Дзержинский.

Благодаря этому событию, произошедшему в октябре 1917 года, сохранилось и название улицы, и сам дом, в котором ныне размещается филиал Музея политической истории. Близко к Болотным и имя *Торфяной дороги*. Еще одна вариация на «болотную» тему – *река Глухарка* и производная от нее *Глухарская улица*.

Петербург – город плоский, гор в нем, можно сказать, и нет, но близ Поклонной горы есть *Поклонногорская*, продолжающая ее *Горная* и *Подгорная улицы*. Интересно имя *Ключевой улицы*, связанное с полуостровскими минеральными источниками. Еще интереснее *Большая* и *Малая Десятинные улицы*. Десятина – мера площади земельных участков, а улицы действительно вели в поле. Хорошо, что кому-то пришли в голову эти названия вместо банальных *Полевых!*

Много «природных» названий стало появляться с конца XIX века, а потом и в советское время, когда шла интенсивная застройка пригородных поселков. Иные из них давались просто так, лишь бы наименовать проезд, никакого конкретного смысла за ними не видно. Вот на Крестовском острове есть *Солнечная улица*. Почему именно она Солнечная, разве на соседних улицах солнце светит меньше? Несколько более осмысленно название *Благодатной улицы* – говорят, именно здесь были места, особо благоприятные для ведения сельского хозяйства.

Береза наряду с сосной и елью – самое распространенное дерево на Северо-Западе, так почему именно эти две аллеи на Каменном острове стали *Березовыми*? А вот на *Липовой аллее* действительно когда-то росли липы. И на *Сосновском проспекте* в Пороховых до сих пор растут сосны, недаром он идет вдоль Ржевского лесопарка. Камыши на *Камышовой улице* были еще совсем недавно, зато на соседних *Ольховой* и *Рябиновой* особых зарос-

слей этих деревьев не наблюдалось. Сирень на *Сиреновом бульваре* так и не посадили и серебристые ивы на *Серебристом* – тоже. Впрочем, с последним не все ясно – в постановлении Ленгорисполкома сказано: «Название символизирует авиацию». Кто не понял, поясняем: в серебристый цвет обычно красили самолеты. Бульвар же находится на месте бывшего Комендантского аэродрома.

Странная история произошла с *Кленовой улицей*, которая идет от Манежной площади к Михайловскому замку. Когда она появилась – а название *Кленовая аллея* известно с 1868 года, – на ней на самом деле росли клены. Но когда ее восстанавливали после Великой Отечественной войны, то почему-то посадили каштаны. Так они с тех пор там и растут.

Все то же самое можно сказать и про *Лиственную улицу* в Сосновке, и про *Васильковую* в Мартыновке (севернее Коломяг). Последнее название хотя бы оригинально, особенно если знать, что раньше она была *Полевой*. Апофеоз такого подхода – это, конечно, *Травяная улица* на Ржевке. Трава у нас точно растет везде. Или сочинители этого имени хотели сказать, что покрытия на улице нет и делать его никто не собирается?!

Любопытно имя *Заповедной улицы* в Шувалове. Ново-Орловскому лесопарку, через который она идет, до заповедника, конечно, далеко, но идея хорошая.

В заключение скажем, что при обилии «растительных» названий – а здесь перечислено далеко не все, много их и в пригородах – у нас почти нет «животных», а половина тех, что есть, достались нам от финнов. *Бычий остров* (от финского имени *Хяркясаари*, откуда оно взялось – неизвестно), *речка Утка* с *Уткиной заводью* (вольный перевод финского *Сорсийоки* – «утиная речка»), *Заячий остров*, *Волкова деревня* с ее производными (оба названия – тоже с финского). Из оригинальных названий, возникших уже после основания города, можно вспомнить разве что *Лебяжьёю канавку*, две *Утиных улицы* в Озерках и недавно появившиеся в Лахте *Журавлинную*, *Лебединую* и *Соловьиную улицы*. Еще несколько подобных имен (Карповка, Заячий переулочек, Канареечная улица, Турухтанские острова) – это результат либо ошибки, либо чьей-то шутки. О них мы еще расскажем.

Угловые, Косые, Ломаные...

Есть улицы, названия которых указывают не на окружающие объекты, а на них самих. Вот, например, *Косая линия*. Она действительно косая, особенно это заметно на фоне абсолютно прямоугольной планировки Васильевского острова. Или *Ломаная улица*. В Указе 1871 года прямо говорится: «улица имеет несколько заворотов». Совершенно понятно и имя *Углого переулка*. *Диагональная улица* на Выборгской стороне – это, конечно, более «интеллигентный» вариант Косой.

Таков же и *Прямой проспект* у Володарского моста. Надо сказать, что, выйдя на этот проспект, его вообще можно не воспринять как городской проезд, тем более проспект! Но не надо над ним иронизировать. По меркам деревни Щемиловки это был проспект, кроме того, тогда он был вдвое длиннее – вторую половину поглотил парк Куракина Дача. К тому же совершенно прямой, в отличие от параллельных ему Шлиссельбургского проспекта (ныне – проспект Обуховской Обороны), повторявшего изгибы Невы, и Кладбищенской дороги (ныне – улица Бабушкина), повторявшей изгибы Шлиссельбургского проспекта.

Сюда же, конечно, относятся и *Большой, Средний и Малый проспекты Васильевского острова*, и *Большой и Малый проспекты Петроградской стороны*, и *Средняя улица* в Волковой деревне (она, конечно, очень средняя не только по положению, но и сама по себе). Вообще (если взять статистику по пригородам) Средняя улица без Малой и Большой – явление не такое уж редкое. Из этой же серии и *Северный проспект*, и *Южное шоссе*. Что интересно, Северных улиц у нас намного больше, чем Южных, а Восточных – больше, чем Западных. С чего бы это?

По соседству со Средней проходит *Задворная улица*. Право, трудно придумать название, которое лучше бы ей подходило! Более благородный вариант этого имени – *Заусадебная улица* в Новой деревне. Недалеко от них ушла и *Окраинная улица* на Ржевке; поблизости от нее есть еще *Окраинный мост*.

Любопытно название *Тихой улицы*. До 1939 года она была *Николаевской*, но когда все Николаевские улицы было предписано переименовать (об этой истории расскажем в свой черед) и когда у работников Ленгорисполкома стало плохо с фантазией, эту улицу сделали Тихой – на том основании, что ведет она к Преображенскому кладбищу. Тогда это была основная дорога к железнодорожному переезду, и имя ей не очень подходило. Но прошло время, выезд к железной дороге перекрыли, транспорт пошел по проспекту Александровской Фермы, и улица стала удивительно соответствовать своему названию. Сейчас на ней нет ничего, кроме нескольких небольших фирм и задней калитки кладбища.

А вот как объяснить происхождение *Верхней улицы* и *Верхних переулков* на Парнасе? Петербург, повторимся, город плоский, и не скажешь, что этот район как-то выше окружающей местности. Единственное разумное объяснение – то, что это северная окраина города, самый верх географической карты. Для чиновников, дававших в 1977 году названия, этого оказалось вполне достаточно. Для промзоны, где находятся *Верхняя* улица и восемь *Верхних* переулков, эти названия вполне подходят. А вот жить на Верхних переулках жителям оказалось неудобно. Когда 3-й Верхний переулок выскочил из границ промышленной зоны и на нем построили жилые дома, люди стали просить переименовать переулок. Поскольку никаких официальных продлений переулка не было, новой части проезда, который строители автоматически присоединили к 3-му Верхнему переулку, присвоили имя поэта Михаила Дудина.

Наличная улица с деньгами никак не связана, раньше это слово значило «лицевая», то есть первая в Галерном селении, если смотреть с залива (и последняя от центра города).

Обводный канал «обводил» город с юга, служа его границей. Лишь в 1833 году городская черта отодвинулась дальше.

Вспомним и *Загородный проспект*. Когда граница города шла по Фонтанке, он и в самом деле был за городом. Теперь это самый центр Петербурга.

Нельзя, конечно, пропустить *Зеленый*, *Красный* и *Синий* мосты через Мойку. Традиция красить мосты в разные цвета восходит к первым десятилетиям от основания города, и даже в советское время, когда Зеленый мост именовался *Народным*, его все равно красили в зеленый цвет.

Сами о себе говорят и *линии Васильевского острова*. Все знают про необычную особенность этих улиц – то, что четная и нечетная их стороны носят разные названия: *2-я* и *3-я*, *14-я* и *15-я*, наконец, *1-я* и *Кадетская*, но не каждому известно, почему так получилось. Дело в том, что в XVIII веке линиями называли проезды, застроенные лишь с одной стороны. Петр I мечтал о создании «Северной Венеции» или «другого Амстердама» – города, где вместо улиц пролягут каналы, а жители будут передвигаться на лодках. А поскольку по первоначальному плану именно Васильевский остров должен был стать центром города, Петр и приказал прорыть на нем сеть таких каналов, а проезды вдоль них поименовать линиями.

Но что хорошо для Италии и Голландии, не очень хорошо для России. У нас и сейчас реки по пять-шесть месяцев скованы льдом, а в те времена климат был холоднее. Отвечавший за застройку острова Александр Меншиков откровенно саботировал царский указ – каналы были сделаны только до *13-й* линии, и то не везде, к прокладке продольных каналов – вдоль будущих Большого, Среднего и Малого проспектов – даже не приступали. К тому же каналы оказались уже, чем предполагал Петр, и две лодки на них разойтись не могли. Дальше каналы стали зарастать, жители сбрасывали в них мусор и нечистоты, и в конце концов по екатерининскому указу 1767 года их засыпали. А линии остались.

Позже первоначальное значение слова «линия» было забыто. Если в Москве торговый проезд называется *Петровские линии*, то есть предполагается, что линий там все-таки две, то в Петербурге это стало просто синонимом слова «улица». Даже не обязательно прямая – достаточно посмотреть на *Кожевенную линию!*

С линиями Васильевского острова связана одна почти мистическая история.

В октябре 1918 года, к первой годовщине Октябрьской революции, Кадетскую линию переименовали в Съездовскую. Это было сделано в память о том, что именно здесь в июне 1917-го прошел Первый съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором недавно вернувшийся из-за границы Ленин произнес слова: «Есть такая партия!», ставшие впоследствии знаменитыми.

Как это часто бывает, произнесены они были сгоряча, просто вырвались из груди недавно вернувшегося из Финляндии Ленина в ответ на слова представителя другой партии. Выступая на стороне Временного правительства, министр почт и телеграфов меньшевик Ираклий Церетели заявил: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы „дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место“».

В ответ на это из зала раздался голос: «Есть такая партия!» Это был голос Ленина.

Затем, уже в своем выступлении, Ленин еще раз повторил: «Он [Церетели] говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: „есть!“ Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком... Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу».

О Первом Всероссийском съезде Советов, проходившем с 3 по 24 июня 1917 года в этих стенах, рассказывает мемориальная доска, установленная в 1960 году. Но слов «Есть такая партия!» на ней нет.

Косая линия Васильевского острова

Советскую власть по понятным причинам раздражало название линии: Кадетская. Оно ассоциировалось не столько с кадетами – воспитанниками располагавшегося здесь, в Меншиковском дворце, Кадетского корпуса, сколько с постоянными политическими оппонентами большевиков – конституционными демократами, прозванными по первым двум буквам «к.д.» кадетами. Большевики считали их одними из главных контрреволюционеров, оттого терпеть «кадетское» название не желали.

Название Съездовской линии вызвало в середине 1960-х годов в Ленинграде появление анекдота о том, что все линии названы по съездам партии: сначала РСДРП(б), которая потом стала ВКП(б), а затем превратилась в КПСС. Тогда же появилось предположение, что последним номерным станет XXVII съезд, потому что последняя номерная линия – 27-я, а следующий съезд будет «косым», ибо неподалеку от Большого проспекта отходит Косая линия.

По сути, так оно и получилось. После XXVII съезда была созвана XIX партконференция, на которой фактически произошел раскол партии, а Егор

Кузьмич Лигачев произнес свою знаменитую фразу, не менее знаменитую, чем «Есть такая партия!», – «Борис, ты неправ!», обращенную к однопартийцу Борису Николаевичу Ельцину, в ту пору попавшему в опалу. К слову, эта опала сыграла немалую роль в том, что в июне 1991 года он был избран Президентом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а после распада СССР по результатам Беловежских соглашений стал первым Президентом Российской Федерации. Но вернемся в 1989-й.

В том году безымянный проезд между Дворцом культуры имени Кирова и домом № 17 по Детской улице стал именоваться *28-29-й линиями*. И после этого прошли еще два съезда КПСС – XXVIII и XXIX. Но они были уже какими-то усеченными, как и *28-29-я линии*.

А вскоре не стало Советского Союза и КПСС вместе с ним. Анекдот с линиями, называющимися в честь партийных съездов, воплотился в жизнь.

Номерных линий и проездов в пригородах вообще много, но это не так интересно. Зато почти в центре города, в Невском районе, недалеко от Обводного канала, есть *2-й Луч*. Откуда он там взялся? В конце XIX века выкупленные в казну земли бывшей Глухоозерской фермы было решено распланировать под новый район – Царский городок. Улицы в нем должны были проходить в виде пяти дуг – «кругов» и четырех пересекающих их «лучей». Проект начали осуществлять лишь в 1908 году, до событий 1917 года полностью его выполнить не

удалось, те проезды, которые были проложены, позже попали в промышленную застройку, несколько были переименованы, и остался лишь одинокий *2-й Луч...*

То, что в разных местах время от времени появляются *Новые улицы* – это понятно. То, что их потом переименовывают – тоже, но все равно многие остаются. В центральных районах города их сейчас нет, но на окраинах – целых три. В то же время *Старые улицы* – это большая редкость, в Петербурге она только одна – в Лахте. Так стали именовать бывшую главную улицу селения после прокладки новой основной магистрали – Лахтинского проспекта.

С Новыми улицами все ясно, а вот *река Новая* (в Улянке) – это уже интереснее. Еще интереснее то, что через эту реку перекинут *Новый мост*, причем называется он так не потому, что построен позже других, а именно по названию реки. Но самое интересное, что название главной реки нашего города, по одной из версий, тоже значит «новая».

Если верить лингвистам, то на индоевропейском языке, на котором говорили наши предки шесть тысяч лет назад, слово «новая» так и звучало – «нева». Но в наших краях, кажется, на этом языке никто не говорил. Зато уже позже говорили на древнегерманском, а на нем, опять же, по словам лингвистов, это слово произносилось «невью», откуда до финского «нева» (а слово перешло в русский именно из финского языка) очень недалеко. Версия эта, которую впервые выдвинул поэт Василий Тредиаковский и которую лингвисты долго отвергали и обратились к ней лишь недавно, подтверждается тем, что в шведском языке (а именно шведы, скорее всего, и есть потомки германцев, живших здесь много веков назад) Нева до сих пор звучит именно как «новая» – «ню».

И если про историю появления речки Новой мы ничего не знаем, то Нева действительно возникла около трех тысяч лет назад после прорыва воды из Ладожского озера через нынешние Ивановские пороги (до этого вода из озера текла через систему Вуоксы). Это была настоящая геологическая катастрофа, и неудивительно, что увидевшие ее предки шведов навсегда зафиксировали это событие в имени реки!

Раз уж мы заговорили о водных протоках, то нужно вспомнить о *Черных речках*. В области их немерено, в Петербурге когда-то было четыре, сейчас осталась одна и еще восемь (и один *Черный ручей*) в пригородах. Ничего удивительного – большинство рек в наших краях текут по торфяникам, потому в них темная вода. Отсюда же и название *Горелого ручья*. Что любопытно – мосты, перекинутые через него, именуются не Горелыми, а *Ржевскими* по второму (и гораздо реже используемому) названию – *река Ржевка*. (Чем отличается ручей от реки, ни один гидролог вам не скажет.)

Сами себя характеризуют и *Гнилой ручей* в Новой деревне, и *Грязный остров* на Екатерингофке, и, конечно, находящийся неподалеку от него *остров Кривая Дамба*. Поблизости есть и бывший остров, ныне соединенный с Гутуевским, *Дамба Гребенка*.

«Дворец остался, не выкинешь»

Если в городе возникало какое-то приметное сооружение или учреждение, то около него появлялся и соответствующий топоним, часто и не один. Вот Зимний дворец. Разве удивительно, что рядом с ним есть *Дворцовая площадь*, *Дворцовая набережная*, *Дворцовый проезд*, *Дворцовый мост*, *Зимняя канавка* с двумя *Зимними* и одним *Эрмитажным мостом*? Когда в 1944 году обсуждался вопрос о возвращении им исторических названий (ибо площадь именовалась тогда *площадью Урицкого*, набережная – *набережной Девятого Января 1905 года* (именно так!), а проезд и мост – *Республиканскими*), второй секретарь обкома Алексей Александрович Кузнецов сказал: «Надо вернуть. Ведь дворец остался, не выкинешь». Золотые слова! Дворец, кстати, в 1918 году из Зимнего переименовали во *дворец Урицкого*, но об этом как-то все позабыли. И правда, не жил Урицкий во дворце!

Дворцовая площадь

Тогда официально вернули только площадь и набережную, но соединявший их проезд тут же все стали тоже называть Дворцовым, хотя табличка «Республиканский проезд» висела на здании Адмиралтейства аж до 1970-х годов. В 1952 году восстановили и имя моста.

Около Адмиралтейства есть *Адмиралтейские проспект*, *набережная* и *проезд*, около здания Сената – *Сенатская площадь*, около Почтамта – *Почтамтские улица*, *переулок* и *мост*, около Университета – *Университетская набережная*... У каждого рынка возникали Рыночные и Торговые улицы, и сейчас *Торговый переулок* ведет в Апраксин двор. Рыночных улиц ныне в городе нет, но есть *Сытнинские улица* и *площадь* – близ Сытного рынка. Про *Конную улицу*, на которой еще пятьдесят лет назад стоял Конный рынок, мы уже говорили. *Круглый переулок* именуется так вовсе не по его форме, переулок как раз прямой, а вот рынок, вдоль которого он проходит действительно Круглый.

Сенатская площадь

Есть и названия, напоминающие нам о том, чем на этих рынках торговали. *Перинная линия* у Гостиного Двора, *Мучной* и *Москательный переулок* поблизости (москательные товары – это краска, клей, олифа и т. п.). *Щепяной* и *Кустарный переулки* за Никольским рынком. *Тележная улица* вдоль существовавших некогда тележных рядов Александровского рынка – о нем мы говорили, когда рассказывали про Перекупной переулок. Позже для тележных рядов выстроили новое здание (Невский пр., 148), и вдоль него прошел *Тележный переулок*, а чуть правее – *Железный*, ибо в соседнем доме № 150 расположились Железные ряды – там продавали всякого рода изделия из железа. В 1929 году Тележный переулок зачем-то «передвинули» на место Железного, прежний Тележный переулок остался без названия и остается без него и по сей день.

А еще есть *Курятная*, *Фруктовая*, *Суконная*, *Москательная*, *Инструментальная линии*, *Яблочная площадь* и *Ягодный проезд* в Апраксином дворе. *Сенная площадь* появилась раньше Сенного рынка, уже в «Описании Санктпетербурга» 1751 года Андрея Богданова зафиксирована *Сенная площадка*, где торговали, естественно, сеном.

А что значит *Фуриштатская улица*? Это не город, как Кронштадт, тогда бы она писалась через «д» – Фурштадтская. Некоторые по незнанию так и пишут. «Фуриштат» по-немецки – «фуражный обоз», здесь, на месте дома № 21, находился фуражный двор (то есть склад корма для лошадей) Преображенского полка (дворовый корпус сохранился). Слово «двор» до XIX века обозначало не то, что сейчас, а комплекс служебных построек с большим (а куда от него денешься?) внутренним двором. (Это особенность не только русского языка, название лондонского полицейского управления Скотланд-Ярд тоже переводится как «шотландский двор».) Есть и *Фуражный переулок*, но уже в другом месте – близ Академии связи на Суворовском, где был фуражный двор Кавалергардского полка.

О банях и прачечных нам напоминают *Банный мост* через *реку Пряжку* (к сожалению, бывшее здание бань – дом № 7 по набережной – недавно снесли), *Прачечный переулок*, выходящий к *реке Мойке*, да и сама *Мойка*. С последней, впрочем, не все ясно – во-первых, это переделка ижорского *Муя*, или *Мья*, что значит «грязная», во-вторых, в 1751 году тот же Андрей Богданов писал: «Сия речка названа Мойка от прежней ея нечистоты; понеже она была глухая, протока себе сквозного не имела, была вся тинистая, и вода мутная, в ней инова никакова платна белаго не мывали, кроме какова подлаго [бедного] платья. Просто сказать, имя ея произошло от народной сей пословицы: „Умойся беленько“ (то есть „вымараися“)…» Любопытно, что в створе Прачечного переулка находится не Прачечный, а *Почтамтский*

мост, в створе Почтамтского переулка – *Фонарный* (правда, с другой стороны Мойки к нему подходит *Фонарный переулок*), а *Прачечный мост* расположен совсем в другом месте – в истоке Фонтанки. Здесь, в нынешнем доме № 4 по ее набережной, был целый Прачечный двор, где стирали белье для императорской фамилии и ее слуг. Здание, возведенное в 1780-е годы, сохранилось, хотя и в несколько перестроенном виде.

А вот *Мытнинская улица* к мытью никакого отношения не имеет. Мытный двор – так раньше называлась таможенная служба, отсюда старославянское слово «мытарь» – таможенник и вообще сборщик налогов. Здание Мытного двора сохранилось; нынешний его адрес – пр. Бакунина, 6. О другом, не дошедшем до нас Мытном дворе напоминают *Мытнинские переулок, площадь и набережная* на Петроградской стороне; этот двор располагался как раз между набережной и современным проспектом Добролюбова. Поблизости есть и *Провиантская улица* – здесь торговали, как бы мы сейчас сказали, конфискатом, то есть не прошедшими таможенно продуктами.

Некоторых может удивить название *Съезжинской улицы*. Кто и зачем туда съезжался? На самом деле на углу этой улицы и Большого проспекта Петроградской стороны стоял съезжий двор, то есть полицейское управление и пожарная часть. Здание, хотя и не самое первое (построено в 1827 году), сохранилось, сейчас это дом № 2/11. Кстати, *Съезжинский переулок* – это бывшая часть Съезжинской улицы, отделенная от нее кварталом застройки.

Имя *Караванной улицы* связано с караван-сараем. Так называли свое жилье персы и индусы – погонщики слонов, присланных персидским шахом в подарок императрице Анне Иоанновне. Этот караван-сарай стоял на месте Инженерного замка; слонов вместе с погонщиками в 1744 году перевели в район нынешней площади Восстания, но название «караван-сарай» за их прежним жилищем сохранилось и впоследствии перешло на улицу.

Аптекарский остров, а затем *Аптекарский проспект* и *Аптекарская набережная* обязаны своим именем основанному Петром I Аптекарскому огороду, где выращивались лекарственные травы, здесь же открылась и Главная аптека. Аптеку потом перевели к Летнему саду, и там появился *Аптекарский переулок*, а огород в 1823 году преобразовали в Ботанический сад.

Дровяной переулок, протянувший от Пряжки до канала Грибоедова, хранит память о том, как в прежние времена власть заботилась о своих подданных, занималась, в нынешней терминологии, социальной защитой. В этом месте находился «дровяной запасный магазин», учрежденный Екатериной II, «дабы продавать зимою бедным людям дрова за такую же цену, как летом оные покупаются». В России с ее климатом проблема отопления жилья всегда стояла, наряду с пропитанием, на первом месте. Еще одна *Дровяная улица* находится ближе к Обводному каналу, но там были просто дровяные склады.

Земледельческая улица с сельским хозяйством связана только косвенно. Ее имя ведется от Земледельческого института – так одно время назывался Лесной институт, нынешняя Лесотехническая академия. Институт имел еще участок в Коломягах, и там есть *Земледельческий переулок*. Интересно, что улица и переулок в свое время поменялись названиями: изначально переулок был улицей (по масштабам Коломяг все – улицы), а улица – переулком. От более привычного названия института произошло имя *Лесного проспекта* и исторической части *Лесной* (не Лесное, как некоторые почему-то говорят, это сокращение от названия Лесной корпус).

А вот *Фермское шоссе* действительно было названо по Удельной ферме, которая принадлежала Удельному ведомству, управлявшему землями императорской фамилии (отсюда же и имя местности *Удельная*). На ферме проходили практику учащиеся существовавшего в 1832–1866 годах Удельного земледельческого училища, готовившего будущих управляющих удельными поместьями. Правда, участка магистрали, примыкавшего к ферме, давно нет, как нет и самой фермы – на ее месте стоит дом № 12 по Ланскому шоссе.

Миллионная улица

Понятно, что дворцы или рынки имели свои названия, но иногда имя могло получить и просто особо приметное здание. В 1740-е годы петербуржцы, пораженные роскошью особняка графа Петра Шереметева, прозвали его «Миллионным домом», а от этого прозвища пошло название Миллионной улицы. Дом (ныне – № 19) в 1862 году перестроен до неузнаваемости Андреем Штакеншнейдером, но от этого стал только еще более роскошным.

Примеров таких можно приводить сотни, и чтобы не захлебнуться в этом потоке, попробуем все же разделить городские доминанты по их функциональной принадлежности. И начнем с тех, которые имели в жизни простого горожанина главное значение.

Что ни церковь, ни кабак...

Какое было самое приметное здание в городском районе, особенно в XVIII и первой половине XIX века, когда редко какой дом имел выше двух этажей? Конечно, церковь! И почти каждый храм порождал вокруг себя по нескольку топонимов. Увы, до нашего времени из них сохранилось очень и очень мало, потому что ни с чем большевики не боролись так неистово, как с религией. Могли сохраняться названия в честь царских сановников, даже членов императорской фамилии, вплоть до 60-х годов на окраинах города существовали *Графская*, *Губернская улицы* и даже *Княжеский проспект*, но церковные топонимы, кроме совсем уж малозаметных, были уничтожены ВСЕ. Все, что мы имеем сейчас, – это имена, восстановленные в последующие годы.

В 1944 году на карту города вернулись *Исаакиевская* и *Казанская площади*. Это естественно – оба собора к тому времени были признаны памятниками архитектуры мирового значения и стали визитной карточкой города. Тогда же вернули и *Владимирский проспект* (площадь – чуть позже, в 1950-м).

Устройство Владимирской площади, долгое время оставшейся безымянной, было запланировано в 1739 году. В докладе Комиссии о Санктпетербургском строении говорилось: «Посреди тех придворных команд мест [Дворцовой слободы], где Литейная и, позади набережных по Фонтанке дворов, перспективная улица [Загородный проспект] сойдутся вместе, сделать торговую площадь, на которой против обеих этих улиц построить церковь».

История Владимирской церкви началась в 1746 году, когда служитель Дворцовой слободы Федор Якимов устроил церковь с походным иконостасом, правда, не на площади, а в своем доме на углу современных улиц Марата и Колокольной улицы. Через два года на площадь была перенесена из Литейной части деревянная церковь, которую 25 августа 1748 года освятил во имя иконы Владимирской Божией Матери архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский Феодосий (Янковский).

Владимирская церковь

Возведение современной постройки началось в 1761 году, вероятно, по проекту Пьетро Трезини, а название у площади впервые появилось только в 1844 году.

В прошлом веке не раз мог поменяться и облик площади. Не в лучшую сторону. Перед Великой Отечественной войной существовал план сноса Владимирской церкви. На ее месте предполагалось построить станцию метро. В апреле 1941 года этот план был представлен

городскому руководству. Как ни покажется кому-то удивительным, но принципиально против ее сноса выступил второй секретарь обкома и горкома ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов, посчитавший, что для павильона метрополитена можно найти другое место. После войны для «Владимирской», к счастью, нашли другое место, на углу Большой Московской улицы и Кузнечного переулка.

Церковь, которая не принадлежала верующим, все-таки оставалась архитектурной доминантой. Красота спасала ее.

В 1986 году в связи со строительством другой станции метро – «Достоевской» – вновь мог пострадать архитектурный ансамбль Владимирской площади. Речь шла о сносе домов напротив церкви. К сносу были приговорены три дома. Тогда-то, осенью 1986 года, и появилась группа «Спасение», выступившая в защиту памятников так называемой рядовой архитектуры. Первым под защиту взяли «дом Дельвига» (№ 23) по Владимирскому проспекту. На самом деле когда-то это был дом купца Аники Тычинкина, однако купеческое прошлое не могло спасти дом. Но мог друг Пушкина Антон Дельвиг, живший в нем, о чем свидетельствовала мемориальная доска, к тому моменту демонтированная (теперь она, слава Богу, на месте).

С балкона «приговоренного к смерти» дома молодые люди читали стихи, обращались к прохожим с воззваниями услышать голос разума, не давать власти рушить наше прошлое. И что удивительно – удалось!

Удалось отстоять и дом № 19 – памятник эпохи модерна, построенный Выборгским архитектором Аланом-Карлом-Вольдемаром Шульманом в 1904 году. Не сохранили лишь соседний дом № 21. Так на Владимирской площади получило начало общественное движение за спасение рядовых памятников истории и культуры нашего города.

К сожалению, уже в XXI веке «Регент-холл», нависший над узким Щербаковым переулком, просто-напросто задавил Владимирскую площадь своей массой и размерами.

Меньше понятно, почему в 1944-м восстановили имя *Введенской улицы* (с 1923 года – *улица Розы Люксембург*) – церковь к тому времени была уже взорвана. Может быть, поэтому в 1952 году ее вновь переименовали – на этот раз в *улицу Олега Кошевого*, и окончательно вернули первоначальное название лишь в 1991-м.

Троицкая площадь у Измайловского проспекта

Троицкую площадь у Измайловского проспекта (она была *площадью Красных Командиров*) тогдашние руководители города вернуть не решились и вместо этого переимено-

вали ее в *Измайловскую*. Но Троицкий собор, даже закрытый и превращенный в склад, был настолько мощной доминантой, что в 1960-е годы имя площади вернулось стихийно. В 1980 году вернули *Введенский канал* – то есть не сам канал, засыпанный под именем *Витебский* в 1967-м, а его бывшую набережную.

В 1989 году восстановлено название *Преображенской площади*, в 1991-м – *Никольской площади*, *Сампсониевского* и *Троицкого мостов*, *Троицкой площади* на Петроградской стороне, *Большого* и *Малого Сампсониевских* и *Вознесенского проспекта*. В отличие от него, *Вознесенский мост* сохранял свое имя всю советскую эпоху, но мосты, кроме самых крупных, вообще переименовывали редко – их названия нечасто помнят даже местные жители. Потому сохранился и *Старообрядческий мост* через реку Волковку.

В 1998 году вернулись *Казанская улица*, *Троицкий проспект*, *Спасский* и *Никольский переулки* и *Кирочная улица* (ее название велось от «кирхи» – лютеранской церкви Святой Анны), в 2006-м – *Старообрядческая улица* (не полностью, часть ее осталась *Ташкентской*, но об этом казусе мы расскажем, когда будем говорить о «географических» топонимах), в 2007-м – *Благовещенский мост*. Больше других повезло *Храмову переулку*, проходящему вдоль ограды Князь-Владимирского собора недалеко от Тучкова моста. В 1935 году его официально присоединили к улице Блохина, но поскольку он идет перпендикулярно улице, то никто не смог понять, как это можно сделать на практике. Переулочек маленький, адресов по нему нет и никогда не было, указателей не было тоже (нет их и сейчас), потому его имя просто забылось. Правда, в документах Управления дорожного хозяйства (оно же переулок асфальтировало!) и в справочниках, которые делали особо дотошные составители (например, в знаменитой «зеленой книге» А. Ксенофонтова 1969 года), исконное название нет-нет, да и появлялось. В 1999 году Храмовый переулок попал в официальный Реестр названий объектов городской среды Санкт-Петербурга и тем самым вышел наконец «из подполья».

Реки и острова, как и мосты, переименовывались редко, поэтому *Монастырский остров*, на котором стоит Александро-Невская лавра, и омывающую его *речку Монастырку* не трогали. Равно как и два *Лаврских* и *Монастырский мосты*. В 1950-е годы к ним добавился и *Лаврский проезд*. *Смоленское кладбище* было названо по стоящей на нем церкви во имя Смоленской иконы Божией Матери, а от кладбища получила свое имя *река Смоленка*, но вряд ли у кого-то название реки могло вызвать религиозные ассоциации.

Невский проспект, как мы уже говорили, тоже обязан своим названием Александро-Невской лавре, но как «религиозное» его имя, разумеется, никто не воспринимал. Тем не менее 25 лет он провел под псевдонимом *проспект 25-го Октября*. *Александро-Невские площадь* и *улицу* тоже переименовали: первую – в *Красную площадь*, а вторую – в *улицу Красной Площади* (!). Лишь в 1956 году названия восстановили, но уже в другой форме – *площадь* и *улица Александра Невского*, то есть как бы не по монастырю, а в честь великого князя. Позже к ним добавился и одноименный мост.

Греческая площадь и *Греческий проспект* тоже не воспринимались как «церковные» имена, а между тем они связаны именно с греческой церковью Святого Димитрия Солунского, простоявшей до 1964 года и снесенной ради строительства концертного зала «Октябрьский». Но на эти названия никто не покушался.

О сносе греческой церкви написал Иосиф Бродский в стихотворении «Остановка в пустыне»:

*Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре
есть что-то безнадежное. А впрочем,*

*концертный зал на тыщу с лишним мест
не так уж безнадежен: это – храм,
и храм искусства. Кто же виноват,
что мастерство вокальное дает
сбор больший, чем знамена веры?
Жаль только, что теперь издалека
мы будем видеть не нормальный купол,
а безобразно плоскую черту.
Но что до безобразия пропорций,
то человек зависит не от них,
а чаще от пропорций безобразья.*

*Прекрасно помню, как ее ломали.
Была весна, и я как раз тогда
ходил в одно татарское семейство,
неподалеку жившее. Смотрел
в окно и видел Греческую церковь.
Все началось с татарских разговоров;
а после в разговор вмешались звуки,
сливавшиеся с речью поначалу,
но вскоре – заглушившие ее.
В церковный садик въехал экскаватор
с подвешенной к стреле чугунной гирей.
И стены стали тихо поддаваться.
Смешно не поддаваться, если ты
стена, а пред тобою – разрушитель.*

В защиту Большого концертного зала «Октябрьский» можно сказать то, что он стал любимым местом выступлений самых разных артистов. В «Октябрьском» прекрасная акустика, удобный зрительный зал. Что касается «безобразия пропорций», то отнесем это к поэтической метафоре, ибо с пропорциями в этом здании все в порядке. Естественно, в сравнении с храмом, стоявшим на его месте, БКЗ проигрывает, как говорится, по всем статьям. Тем не менее он стал неотъемлемой частью нашей истории.

Не тронули и *Казанскую улицу* на Малой Охте, переименованную в 1913 году, видимо, к трехсотлетию Дома Романовых, в честь иконы Казанской Божией Матери, считавшейся покровительницей императорской династии (раньше улица называлась *Кошкиной*). Каким-то образом уцелел маленький *Матвеевский переулок* на Петроградской стороне у разрушенной Покровской церкви, построенной на месте другого храма – во имя Святого апостола Матфея.

Воскресенский проезд сохранился лишь потому, что в советское время об именах проездов Апраксина двора вспоминали только знатоки. Церкви Воскресения Христова, по которой он был назван, повезло меньше – на ее месте сейчас стоит бывший корпус Лениздата (наб. р. Фонтанки, 59).

И это все, что осталось от некогда богатейшей церковной топонимии. *Петропавловская улица* обязана своим именем не Петропавловскому собору (он от нее достаточно далеко), а находящейся на ней Петропавловской больнице (в советское время больница имени Эрисмана, ныне – клиника нервных болезней Медицинского университета). *Митрофаньевское шоссе* и *Малая Митрофаньевская улица* названы все-таки не по церкви Святого Митрофания, а по Митрофаньевскому кладбищу, располагавшемуся у их пересечения и уни-

чтоженному вместе с церковью в начале 1930-х годов. *Мариинский проезд* наименован по Мариинскому женскому институту (Кирочная ул., 54, ныне в сильно расширившемся здании расположена школа № 163), институт же так назывался, поскольку попечительницей его когда-то являлась императрица Мария Федоровна, жена Павла I. Происхождение имени *Мариинской улицы* у «Электросилы» и вовсе неизвестно, связывать его с религией пока нет оснований.

В новое время пока появились лишь два действительно новых имени, связанных с храмами. Во-первых, это *Солунская улица* в Коломягах, огибающая построенную еще в 1906 году деревянную церковь Святого Димитрия Солунского – замечательное произведение зодчего Александра Всеславина. Во-вторых, *Кронштадтская площадь*, на которой совсем недавно возвели новую церковь во имя Святого Праведного Иоанна Кронштадтского.

Еще одно название – новое и не новое одновременно. В 1996 году начальному участку *Вяземского переулка* от реки Карповки до улицы Профессора Попова, появившемуся относительно недавно (проложен в 1951 году), когда сюда с Кировского (ныне – Каменноостровского) проспекта перенесли трамвайную линию, присвоили имя *Иоанновский* якобы для возвращения исторического названия. В действительности исторический *Иоанновский переулок* шел западнее, вдоль здания монастыря Святого Праведного Иоанна Кронштадтского. Но в 1990-е годы, когда монастырь вернули церкви, его территорию расширили, на углу Карповки построили новую часовню, и нынешний переулок тоже идет вдоль монастырской ограды...

Но какое же место было самым известным среди местных жителей после церкви? Разумеется, кабак! Или, как раньше политкорректно называлось это заведение, питейный дом. И действительно, было время, когда немалая часть небольших улиц в Петербурге именовалась именно по кабакам. Сейчас из этих названий осталось не так много, но среди них есть очень известные, как, например, *Поцелуев мост*. Именно так – мост получил свое имя не потому, что на нем целуются, а благодаря питейному дому «Поцелуй», названному так его владельцем Никифором Васильевичем Поцелуевым в свою честь. Аналогично *Кашин мост* через Крюков канал по проспекту Римского-Корсакова назван по Кашину питейному дому, размещавшемуся в здании, принадлежавшем купчихе Кашиной.

На *Фонарном переулке* располагался Фонарный питейный дом; он занимал часть строения, которым владел мастер-фонарщик Адмиралтейской части. Интересно, что в 1878 году домовладельцы этого переулка обратились в Городскую думу и попросили переименовать его в Сербскую улицу (здесь находилось сербское посольство), поскольку имя переулка якобы ассоциируется с «красными фонарями», то есть с публичными домами. Ответ из Думы был очень резонным: «Если переулок этот не пользуется хорошою славою от находящихся в нем приютов терпимости, то устранить это зависит единственно от самих домовладельцев – недопущением в свои дома означенных приютов, а не переменою названия».

Название *Конного переулка* на Петроградской стороне с лошадьми никак не связано, по крайней мере напрямую. Здесь находился Конный питейный дом, а вот почему он так именовался – неизвестно. *Волынский переулок* в самом центре города назван по Волынскому питейному дому, располагавшемуся в бывших владениях крупного сановника времен Анны Иоанновны Арсения Петровича Волынского.

Многие думают, что *Расстанная улица* называется так, потому что ведет к кладбищу. На самом деле на углу Лиговки находился питейный дом «Расстанье», и, поскольку город здесь кончался, в нем прощались с теми, кто уезжал в Москву и в другие города.

На другой окраине города, на выезде из деревни Автово, стоял Красный кабачок. Красный – просто потому, что построили из красного кирпича. Рядом с кабачком текла речка, и ее, видимо, с перепоя тоже стали называть *Красной* (хотя вода в ней была обычного цвета), а поскольку речка маленькая, к ней прицепилось уменьшительное имя *Красенькая*. Позже

на берегу речки возникло *Красенькое кладбище*, а через саму речку перекинули два *Красеньких моста*. В отличие от мостов через Мойку, красить их в красный и даже в красенький цвет никто не собирается.

Более позднее название, 1887 года, – *Барочная улица* на Петроградской стороне. Оно ведется от питейного дома «Барка». Интересно, что предыдущим Указом, выпущенным шестнадцатью годами раньше, улицу предписывалось именовать *Барачной*, ибо ничего, кроме барачков, на ней тогда не было – все, что есть там сейчас, построено позже. Но потом решили, что такое имя слишком уж неблагозвучно, и поменяли одну букву.

Семеновцы, измайловцы, преображенцы

Петербург, как уже говорилось ранее, был военной столицей, и почти каждый полк, стоявший здесь, оставил свой след в топонимии города. И первым – просто по времени – надо назвать Колтовской полк, именовавшийся по фамилии своего командира Петра Колтовского. Уже в 1727 году вышел указ, гласивший: «Полевые и гарнизонные полки состояли прежними званьями по именам Полковников, а ныне вновь званьями же назначены по городам». Колтовской полк переименовали в Невский гарнизонный, но *Колтовская слобода* в северо-западной части Петербургского острова осталась. Позже в ней появились *Большая, Средняя и Малая Колтовские* улицы. Большую Колтовскую в 1952 году присоединили к Пионерской, Малая Колтовская в 1930-е годы ушла в промышленную застройку, Средняя же существует и сейчас. Существует, правда, в сильно урезанном виде – конечный ее участок от Петергофской улицы до набережной Адмирала Лазарева тоже попал в территорию предприятия, начальный участок, примыкавший к Корпусной улице, перекрыт строительным забором, за которым уже лет десять ничего не делается...

Измайловский полк оставил нам *Измайловский проспект* и *Измайловский мост*, Семеновский – *Семеновский мост* через Фонтанку и *Семеновскую площадь* по обе стороны моста, Преображенский полк напрямую не оставил ничего, но Спасо-Преображенский собор с *Преображенской площадью* был построен на территории полка не случайно. Да еще *Саперный переулок* – он вел прямо к месту расположения саперного батальона этого полка (современный адрес – ул. Радищева, 37). *Литовская улица* на Выборгской стороне обязана своим именем отнюдь не национальности жителей, а казармам Московского (бывшего Литовского) полка. Сейчас в этом здании (Б. Сампсониевский пр., 63) расположен Военный институт физкультуры.

О лейб-гвардии Конном полке напоминают *Конногвардейский бульвар* и *Конногвардейский переулок*, о Кавалергардском полке – *Кавалергардская улица*, о Гренадерском полке – *Гренадерский мост* и *Казарменный переулок*, о Финляндском полке – *Финляндский переулок*, о Казачьем полке – *Казачий, Атаманский мосты* и *Атаманская улица*. Атаман – это не только предводитель разбойничьей шайки, но еще и казачий старшина.

Артиллерийская улица отходила от казарм 1-й Пешеходной артиллерийской бригады, а вдоль самого здания шел *Артиллерийский переулок*. Здание (ул. Короленко, 12) несколько лет назад снесли и восстановили примерно в прежнем виде. *Артиллерийский остров* с *Восточным* и *Западным Артиллерийским мостами* ведет свое имя от артиллерийских батарей, стоявших на кронверке – вспомогательном укреплении Петропавловской крепости. Позже здесь был открыт Артиллерийский музей. По самому же кронверку названы *Кронверкские пролив, мост* через этот пролив у западных ворот крепости, *проток, проспект* и *улица*.

С артиллерией связана и *Батарейная дорога* на территории Приморского парка Победы. В конце дороги, там, где сейчас строится новый стадион, стояла артиллерийская батарея, призванная прикрывать город на случай нападения шведов. Батарею убрали лишь в 1809 году, когда в состав России вошла Финляндия, а Швеция навсегда объявила себя нейтральным государством. Примечательно, что во время Великой Отечественной войны здесь снова располагались артиллерийские орудия...

При каждом полку, само собой, был госпиталь, а при каждом госпитале – *Госпитальная улица*. Сейчас осталась одна – у Суворовского проспекта. Интересно, что хотя сохранившийся ее участок находится на территории бывшего Кавалергардского полка (рядом с упоминавшимся ранее Фуражным переулком), но само название ведется от госпиталя другого полка – Преображенского. Так получилось потому, что сначала Госпитальным был нынешний Виленский переулок, а он-то как раз находился в расположении Преображенского

полка. Потом переулок продлили до нынешнего Суворовского проспекта, потом разделили по *Парадной улице* на Виленский и Госпитальный, позже последний стал улицей, и, наконец, уже в 1960-е годы перекрыли участок, примыкавший к Парадной. Кстати, ее название, как нетрудно понять, тоже связано с военной темой.

Кадетская линия Васильевского острова

Но кроме полковых госпиталей существовали еще общегородские. Один из них – Клинический – дал имя *Клинической улице* на Выборгской стороне, другой, Первый Военно-Сухопутный на Суворовском, – проходящему позади него маленькому *Сухопутному переулку*.

А что же военно-учебные заведения? На Васильевском острове есть *Кадетская линия* и *Кадетский переулок*. Название линии связано с Сухопутным Шляхетным кадетским корпусом, разместившимся в 1730-е годы в Меншиковском дворце. Позже это – Первый Кадетский корпус (Второй, как мы помним, располагался на Петроградской стороне). А вот напротив переулочка, между 11-й и 12-й линиями, находился уже другой, Морской кадетский корпус. В советское время он именовался по-разному, но история совершила полный оборот, и сейчас это – Морской корпус имени Петра Великого.

Со Вторым же кадетским корпусом связан отходящий против него от Пионерской улицы *Эскадронный переулок*. Его назвали в 1871 году в память о том, что в кадетском корпусе когда-то состоялось, как сказано в императорском Указе, «первое основание дворянского кавалерийского эскадрона». Имя же расположенного поблизости *Гимназического переулочка* хранит память о более интересной истории. В 1863 году на волне alexandrovских реформ кадетские корпуса было решено разделить: младшие классы преобразовать в военные гимназии, где ученики получали бы среднее образование, а старшие – в военные училища. Гимназия разместилась в старом здании корпуса, вдоль которого и проходит переулок, а училище – его назвали Павловским – напротив, в доме № 17 по нынешней улице Красного Курсанта. В 1883 году новый император Александр III реформу отменил, кадетский корпус был восстановлен в прежнем составе, а переулок остался.

Последнее «военное» название в городе появилось уже в советское время. В 1950 году Приютскую улицу недалеко от Балтийского вокзала переименовали в Морской переулок, что было логично: во время войны в здании бывшего приюта принца Ольденбургского (12-я Красноармейская ул., 36) разместилось Высшее военно-морское училище подводного плавания, позже – Военно-морской институт, а ныне – бизнесцентр.

Стекло́нная, Глазу́рная, Фаянсо́вая...

Петербург с первых дней был промышленным центром, и названия по заводам и фабрикам (в XVIII веке они тоже именовались «дворами», память об этом до сих пор хранит Монетный двор) существовали в нем всегда. В 1711 году на берегу Невы основали Литейный, или Пушечный, двор, на котором вскоре отлили первые пушки. Улицу, которая вела от него к Невскому проспекту, естественно, назвали *Литейной*. Позже она стала проспектом, но прежний вариант сохранялся очень долго, Литейная улица упоминается, например, у Даниила Хармса.

В 1849 году завод перевели на Выборгскую сторону, там он стал называться «Арсенал», и близ него вскоре появилась *Арсенальная улица*, а затем и *набережная*. Проспект через прежнюю территорию завода продлили до Невы, по краям архитектор Александр Гемилиан (он же строил и новые корпуса «Арсенала») возвел два симметричных дома, а в створе проспекта соорудили мост, тоже названный *Литейным*.

Литейный проспект пересекает *Шпалерная улица*. Здесь в современных домах № 29, 31 и 32 располагалась Императорская шпалерная мануфактура, где ткали шпалеры, то есть гобелены. *Галерная улица* вела к Галерному двору, где строились галеры и другие суда для Российского флота. Предприятие много раз меняло свое название, но профиль сохранило; сейчас это «Адмиралтейские верфи». *Гончарная улица* обязана своим названием находившемуся здесь с 1747 года «гончарному заводу многих лиц». В конце *Кирпичного переулка* некогда разгружали кирпичи, а в начале появившейся два века спустя *Гранитной улицы* – гранит.

На Выборгской стороне, недалеко от Финляндского вокзала, есть небольшой *Сахарный переулочек*. В его конце, на берегу Большой Невки, еще с 1720 года находился Сахарный двор, позже – Сахарная фабрика Петра Вестова и Егора Кизеля, затем – Сахарный завод (вы когда-нибудь обращали внимание на то, что никто не знает, когда в русском языке употребляется слово «завод», а когда – «фабрика?»). Завод закрыли в 1918 году, так как было решено, что сахар следует производить там, где растет свекла, – в южных районах России и на Украине.

Упоминавшаяся уже *Кожевенная линия* почти вся была занята кожевенными заводами. Сейчас остался один, в доме № 27, который почему-то называется «Радищев». Александр Николаевич, конечно, большой писатель и мыслитель, но к кожевенному производству он отношения не имел. Откуда же такое название? Дело в том, что к 5-летию Октябрьской революции в Петрограде стали переименовывать фабрики и заводы, продолжавшие называться по бывшим владельцам. Некоторых партийцев это стало возмущать: какие могут быть Парвиайнены, Брусницыны, Семянниковы, если все предприятия теперь принадлежат народу? Тогда и стали присваивать заводам и фабрикам имена рабочих, революционеров или известных деятелей культуры, имена которых были «на слуху» и в почете. Среди них был, конечно, и Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву», за которое он изрядно пострадал в эпоху правления Екатерины Великой.

Как Радищев не имеет отношения к кожевенному производству, так *Бумажная улица* и *Бумажный канал* с *Бумажным мостом* не имеют отношения к бумажному производству. «Бумагой» в XIX веке называли еще и хлопок, и Чернореченская бумагопрядильная мануфактура Леопольда Егоровича Кенига, располагавшаяся рядом, на Лифляндской ул., 3 (Чернореченская – потому что протекающая сзади нее река Екатерингофка до 1864 года именовалась Черной речкой), была обычным текстильным производством. Сейчас это прядильнониточный комбинат «Северная звезда».

Как ни странно, *Шотландская улица* в Порту – это тоже «производственное» имя. Когда-то рядом с ней располагался так называемый Сельдяной буян (сейчас на его месте стоит дом № 12 по Двинской улице), а на нем – склад Шотландской компании для импорта и

экспорта сельдей. Со стороны Екатерингофки к складу подходил *Сельдяной канал* (недавняя трагедия, когда в этом районе обрушился жилой дом, связана именно с тем, что какой-то умник решил возвести его точно на месте канала), а на набережной Екатерингофки, в том месте, где канал из нее вытекал, до сих пор сохранился *Сельдяной мост*. Воды под ним, конечно, давно уже нет.

Назвать улицу могли не только по заводу, но и по его продукции. На Ржевке есть оригинальный топоним *Капсюльное шоссе*. Среди того, что выпускал Охтинский пороховой (ныне – химический) завод, были и капсюли для ружей, а производившая их мастерская располагалась как раз в начале шоссе, там, где теперь пожарная часть. Когда на Путиловском (ныне – Кировском) заводе в 1924 году наладили выпуск тракторов, поблизости появилась *Тракторная улица*, когда в 1931-м начали делать турбины, – *Турбинная*.

О Тракторной улице стоит рассказать подробнее. Во-первых, это, наряду с улицей Ткачей, первая улица, появившаяся в советское время в Ленинграде. Во-вторых, все дома, выходящие фасадами на улицу, считаются памятниками архитектуры. Итак, Тракторная улица.

1 мая 1924 года участниками первомайской демонстрации стали два трактора «Фордзон-Путиловец». Они прошли в колонне краснопутиловских рабочих, что и неудивительно, поскольку были созданы на знаменитом предприятии – «Красном путиловце», бывшем Путиловском, будущем Кировском заводе.

Выпуск трактора «Фордзон-Путиловец», за основу которого был принят американский образец легкого трактора 1917 года, стал грандиозным событием для страны, ведь это был шаг широкомасштабного плана переустройства сельского хозяйства, обеспечения земледельцев современной техникой.

В марте 1919 года на VIII съезде большевистской партии Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра сто тысяч тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами... то средний крестьянин сказал бы: я – за коммунию».

Не будем гадать, верны ли эти слова, но факт тот, что в 1919 году этих сельхозмашин в России не было, и что ради исполнения поставленной Лениным задачи в 1923 году создали специальную комиссию, которая определила: стране нужно двести двадцать тысяч тракторов мощностью двадцать лошадиных сил. Тогда речь не шла о создании собственной модели, и то, что в кратчайшие сроки на «Красном путиловце» научились изготавливать взаимозаменяемые детали американского трактора, при этом смогли создать технологию их производства, в ряде случаев даже более совершенную, – это, безусловно, трудовой подвиг путиловцев и работавшего на сборке конструктора Исидора Ивановича Трепененкова.

Сам конструктор вспоминал, что конвейера в привычном сегодня понимании не было. Тогда, 90 лет назад, по цеху медленно двигался длинный поезд сцепленных между собой тележек, которые тянула лебедка.

Конструкция трактора впервые в мировом тракторостроении была рассчитана на массовое производство, что обеспечивало его низкую стоимость.

Серийный выпуск «Фордзон-Путиловцев» начался спустя пять месяцев после прохождения первенцев на первомайской демонстрации. Во второй половине 1920-х годов этот трактор был самым распространенным в отечественном сельском хозяйстве. С каждым годом возрастало количество тракторов, сошедших с конвейера «Красного путиловца». Всего этих тракторов за восемь лет построили 49 568. В 1932-м выпуск «Фордзон-Путиловцев» прекратился. Настала пора сельскохозяйственных машин других, более совершенных моделей. Между тем первенцы советского тракторостроения в некоторых хозяйствах работали аж до 1970-х годов.

Помните Большую Пирожную улицу, на которой жил крокодил Гена? Почему-то в Петербурге почти совсем нет «съедобных» топонимов. Кроме нескольких уже упоминавшихся, в основном в Апраксином дворе, это еще *Мясная улица* на Матисовом острове (там

была скотобойня) и *Масляный переулок* с одноименным мостом у Обводного канала. Переулок ведет к Масложировому комбинату. Да на Васильевском острове есть улица с необычным названием *Масляный канал*. Это бывшая набережная засыпанного канала, канал же шел вокруг Масляного буяна. Ничего «буйного» в этом учреждении не было, буйнами в XVIII–XIX веках именовались склады.

Но это все «точечные» названия. Зато в 1871 году сразу несколько улиц возле Императорского стеклянного завода получили имена по его продукции и по тем материалам, которые там использовались. *Стеклянная, Хрустальная, Глазурная, Глиняная, Фаянсовая...* В 1956 году к ним добавился еще *Зеркальный переулок*. Завод к тому времени как раз преобразовали в зеркальную фабрику. (Опять – почему «фабрика»?) Позже он стал Заводом художественного стекла, а в 1990-е годы, увы, закрылся.

А вот у работников Ленгорисполкома, сочинявших в 1975 году названия в районе западнее станции «Обухово», фантазии, видимо, не хватило, и в итоге там появились *Гаражный, Грузовой* и *Складской* проезды. Тем не менее все три имени в постановлении снабжены пояснением: «Проезд расположен в нежилой зоне „Обуховой. Что и кому оно поясняет – загадка.

«Промышленные» названия активно присваивались в советское время и присваиваются сейчас. Можно вспомнить, например, *Домостроительную улицу* у Домостроительного комбината № 7 на Парнасе или жутковатое название *Автогенная улица* около бывшего завода «Красный автоген» в Невском районе. У завода «Светлана» еще в 1960 году возникла *Светлановская площадь*, а вслед за ней – *Светлановский проспект*. Кстати, название завода – это вовсе не женское имя, а всего лишь сокращение от «Световая лампа накаливания».

В 1993 году близ станции «Московская-Сортировочная» появилось необычное имя *Агатов переулок* – на нем расположено автотранспортное предприятие «Агат», а вот почему акционеры так назвали его – неизвестно. Тогда же было официально утверждено и появившееся несколько лет назад своеобразное имя *Макулатурный проезд* – рядом со складом макулатуры.

Целый «куст» производственных названий возник в конце 1980-х в новой промышленной зоне близ станции «Старая Деревня». *Мебельная улица* и *Мебельный проезд* – у их пересечения расположено акционерное общество «Ленраумабель», *улица Оптиков* (лучше было бы Оптическая) – на ней находится «Оптический центр», *Ситцевая улица...* вот с ней промахнулись. Сюда хотели перевести фабрику «Северный текстиль», да так и не перевели. Позже, когда в этом же районе отвели площадку для завода «Ленполиграфмаш», рядом появился *Полиграфмашевский проезд*. Название, прямо скажем, не самое благозвучное, но каждый проезд должен называться. Поскольку на нем должен располагаться «Полиграфмаш», его и назвали по этому предприятию.

От перевоза до аэропорта

Транспортные узлы всегда были необходимой частью городской жизни, и ничего нет удивительного в том, что по ним зачастую именовались улицы. До середины XIX века через Неву не было постоянных мостов, а наплавные наводились только в центре и не во всякое время года, потому одним из самых заметных мест в округе являлись лодочные перевозы. И сейчас у нас есть *Перевозная улица* на Матисовом острове (выход ее к Неве в 1930-е годы перекрыл Фольгопрокатный завод), *Перевозный переулочек* на Малой Охте и *Перевозная набережная* в Невском районе. Последние два перевоза функционировали еще перед войной, ибо Литейный мост очень долго был последним, если идти вверх по течению Невы. Большеохтинский мост появился лишь в 1911 году, а мост Александра Невского – в 1965-м.

Позже, когда начали строить железные дороги, они стали играть в планировке городов и поселков ту же роль, что и реки, – делить их на отдельные части, поскольку перебраться через железную дорогу порой бывает очень непросто. Неудивительно, что чуть ли не в каждом городском районе и чуть ли не в каждом селе, через которое прошла железнодорожная линия, появилась своя *Железнодорожная улица*. В нынешнем Петербурге есть *Железнодорожный проспект* в Невском районе, *Железнодорожный переулочек* на Выборгской стороне и четыре *Железнодорожных улицы* на городских окраинах. В Володарском наряду с Железнодорожной имеется и более оригинальное название – *Паровозная улица*, а в Рыбацком – *Вагонный проезд*. С железной дорогой связано и имя ведущего к ней *Транспортного переулка*, хотя по самому названию этого не скажешь – откуда известно, какой именно транспорт имеется в виду?

Кроме *Вокзального проезда* у станции «Шувалово», *Вокзальных улиц* в Ольгине и Горелове свои улицы и площади есть и почти у каждого из петербургских вокзалов. *Площадь Балтийского вокзала* (неподалеку есть еще и *Балтийская улица*), *Варшавские площадь, мост и проезд* у закрытого ныне Варшавского вокзала, *Витебская площадь* у Витебского, наконец, *Финский переулочек* у Финляндского (вы обратили внимание, что старые вокзалы, если двигаться вдоль первой линии метро – когда-то ее называли Вокзальной, – расположены по алфавиту?). Недалеко от Финляндского вокзала есть еще и *Финляндский проспект*, но он-то как раз появился раньше, чем железная дорога. О нем мы еще расскажем.

От названий железнодорожных станций происходят имена *Витебской Сортировочной* и *Сортировочной-Московской* улиц. Перестановка двух слов в последнем из них не совсем ясна – станция все-таки называется Московская-Сортировочная. Видимо, это след какой-то неудавшейся реформы в железнодорожном ведомстве. *Броневая улица* тоже обязана своим именем железнодорожной станции, название же этой последней связано с Кировским заводом. Здесь грузили в поезда танки и другие бронемашин, которые он производил.

Новые виды транспорта породили и новые названия. Когда в начале XX века на нынешнем проспекте Стачек, у будущей линии в Стрельну, решили открыть трамвайный парк, поблизости появился *Трамвайный проспект*.

Трамваю в Петербурге предшествовала конножелезная дорога – конка. Годом рождения конножелезных дорог считается 1863-й, когда в Петербурге открыли несколько линий. Перед этим 21 сентября 1862 года был высочайше утвержден Устав Первого товарищества конно-железных дорог, учредителями которого стали генерал-адъютант граф Адлерберг, действительный статский советник граф Строганов, гвардии полковник Дитмар и сева-стопольский 1-й гильдии купец Каншин.

Газета «Северная пчела» в № 193 за 1863 год сообщала петербуржцам: «Товарищество железно-конной дороги открыло, наконец, свои действия. В воскресенье 1 сентября после молебствия, в 3 часа, двинулся от церкви Благовещения (у Николаевского моста) первый

пассажирский поезд, состоящий из двух вагонов. Вслед за ним началось уже правильное движение через каждые полчаса от вокзала Николаевской железной дороги к Дворцовому мосту и обратно. Вагоны очень хороши и просторны; езда спокойна, цены умеренны – 5 коп. внутренние места и 3 коп. – наружные. Прислуга и кучер одеты чисто и опрятно. Лошади сильны и здоровы. Проезд в один конец совершается в четверть часа со всеми остановками, назначенными для приема пассажиров, – раз восемь».

Примечательно слово «наконец» в начале заметки. Год, прошедший с момента основания Товарищества, показался корреспонденту «Северной пчелы» слишком долгим сроком для пуска в действие затеи, ради которой Товарищество учреждалось.

Между тем стоит вспомнить, что еще в 1854 году близ села Смоленского за Невской заставой инженер А. Полежаев устроил конную дорогу длиной три с половиной километра. В качестве рельсов использовались деревянные брусья, обитые железом. Полежаев спроектировал и построил и вторую конно-железную дорогу. Ее путь пролегал по льду Финского залива от Лисьего Носа к Морским батареям близ Кронштадта. Дорога длиной в шестнадцать верст предназначалась для перевозки грунта на крепостные форты.

В 1859 году при участии П. Мельникова, ставшего в 1862 году министром путей сообщения, и К. Бентковского построили конную железную дорогу на Васильевском острове от морской пристани до Биржи на Васильевском острове, служившую первоначально для перевозки грузов.

В общем, все шло к тому, что конно-железная дорога вот-вот войдет в жизнь столицы Российской империи. Надо сказать, что Товарищество не тянуло с открытием, делу мешали срывы поставок различного оборудования. Например, к 15 мая из-за границы должны были поступить рельсы, а доставили их только в первой половине июня.

Идея перевозки грузов, ради которой построили дорогу Мельников и Бентковский, занимала и членов Товарищества конно-железных дорог. В значительной степени по этой причине были соединены линией Николаевская железная дороги и таможня, находившаяся на Стрелке Васильевского острова. Но тут вышла заковыка. Грузы можно было перевозить только в ночное время, когда таможня закрыта. В итоге грузовое назначение конно-железных дорог свелось лишь к вывозу по ночам мусора или снега, а все остальное время отдавалось пассажирским перевозкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.